

ВЧЕРА СЕГОДНЯ ЗАВТРА | 2

**МИХАИЛ
АГУРСКИЙ**

**СОВЕТСКИЙ
ГОЛЕМ**

СОВЕТСКИЙ ГОЛЕМ

Mikhail Agursky

SOVETSKIĬ GOLEM

With a foreword by Boris Filipoff

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD
LONDON 1983

Михаил Агурский

СОВЕТСКИЙ ГОЛЕМ

Предисловие Бориса Филиппова

**OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD
LONDON 1983**

Mikhail Agursky

SOVETSKIĬ GOLEM

First Russian edition published in 1983
by Overseas Publications Interchange Ltd
8, Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Copyright © Mikhail Agursky, 1983
Copyright © Russian edition Overseas Publications
Interchange Ltd., 1983
All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 0 9500215 9 8

Cover design by M. A. Pióro

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда в середине XVI века усилились гонения на пражских евреев, мудрый и ученый раввин Лёв, по внушению Неба, решил создать из глины гиганта Голема, чтобы разрушал он ковы врагов Израиля, охранял еврейское население Праги от провокаций, нападений, насилий. Но один он не мог создать Голема. Ибо в создании этого гиганта, кроме материала (глина, прах — одна из четырех стихий мироздания: земля), должны были участвовать и три других мировых стихии: огонь, вода и воздух. Он, раввин, был воздухом. По счастью, его зятем был священник по роду своему, по роду Аарона, брата Моисеева (огонь), а учеником — левит (вода). Вот и создали они Голема — для успешного разрушения вражеских козней. Но, понятно, не могли дать ему ни дара слова, ни, вообще, души. Ибо только Бог может даровать это творению Своему, как и сказано в Писании: «И создал Господь Бог человека, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Бытие, II, 7). И не было души живой и языка у Голема. И лишь силою каббалистических заклинаний Голем действовал, круша ковы врагов Израиля. Но стоило ему поручить любое дело не разрушения, а созидания, хотя бы даже просто воды принести жене раввина, как это приводило к катастрофе: Голем чуть было не затопил все пражское гетто. И вышел Голем из повиновения раввину, и чтобы творение не погубило творца, пришлось Голема уничтожить ему.

Трудно было бы выбрать для понимания советской социально-экономической и политической системы более удачный образ, чем образ Голема, созданный старой еврейской легендой. Ибо образ этот далеко не прост. Он многозначен и глубок. Недаром он и в литературе оплодотворил многих. Вспомним, хотя бы *Ученика чародея* Гете. Вспомним роман Густава Мейринка *Голем* (1915), в котором, по словам *Краткой Литературной Энциклопедии*, «социальные противоречия большого капиталистического города являются фоном для фантастического образа двойника Голема...»

Говоря зощенковским языком, «за капитализм — я еще не знаю», но вот современная советская система, как превосходно, убедительно показал в этой небольшой работе Михаил Агурский, прямо без сучка и задоринки укладывается в схему старой народной легенды.

Ибо, вопреки мнению многих, основной движущей силой советского общества является отнюдь не армия, и это несмотря на то, что вся советская экономика (и политика) военизирована, и «военные интересы имеют в советском обществе абсолютный приоритет». Но и партократия сейчас уже не та абсолютная партократия, какой она являлась прежде. Создав милитаристскую и военно-техническую олигархию, она уже не может сама справиться с нею, направлять ее, управлять ею, а непроизвольно плетется за технократией. Технократия же, в своей изобретательской деятельности, живет по преимуществу не своей, самостоятельной творческой жизнью, а отраженным светом изобретательства Запада (особенно — США). «Федосеев, — говорит автор, — подтверждает эту общеизвестную истину. В СССР, говорит он, разработка оригинальных конструкций, не связанных с подражанием западным образцам (в основном американским) не только не поощряется, а прямо препятствуется».

Советский Голем, созданный партократией (воздух) при участии армии (огонь) и при истощении всех жизненных соков населения (вода) и всех производительных сил (земля), этот военно-технократический Голем может двигаться и чего-то достигать лишь при помощи заклинаний:

«Всё для укрепления обороны, для повышения крепости и силы армии!»

«Не дать США возможности перегнать нас в термоядерном вооружении!»

И ни с чем реальным, жизненно-творческим бытие Голема не связано, ибо в основе основ советского общества лежит абсолютный примат производства над потреблением, а в фетишизированном производстве — непрекращаемый приоритет военной индустрии, и всё решительно советское планирование — не планирование, а директива свыше, ибо советский «план означает лишь то, что любое вложение должно быть санкционировано сверху и не может быть сделано произвольно снизу, но учреждения, утверждающие эти капиталовложения, лишены какого-либо экономического критерия при оценке их эффективности» . . .

Стоит технократическому Голему воззвать: — Мы отстаем от Америки в таком-то виде термоядерного оружия! — как его поддержит и огонь — маршалы, и стремящиеся ускорить карьерный взлет производственники (вода), и партийным воротилам (воздух) нужно лишь орать квартетом:

— Всё для повышения силы и крепости наших вооруженных сил!

И всё, главным образом, с оглядкой на других, на Запад, на Америку. Ибо оригинальное — подозрительно всё-таки: а

вдруг — что-либо не так. А американское, как ни говори, а высший класс.

Так советский Голем — военно-технократический идол — вырвался из рук его творцов. Но души-то в него не вдунуто. Но движется-то он тоже каббалистическими заклинаниями, теперь почти вовсе утратившими смысл для самих заклинателей. А разрушительная сила Голема велика. А к живой социально-экономической деятельности его не приучили. Да и не могли, ибо назначение Голема — разрушение. И сила его непреодолима.

Партократия сама начинает топорщиться: — Нет, мол, основная движущая сила — и в эру Научно-Технической Революции — пролетариат (читай: партократия). И даже — еще в большей степени, чем раньше.

Но Голема не уничтожишь. Что удалось ученому раввину в Праге, то едва ли по силам партократии.

Читайте книгу внимательно и вдумчиво. Автор блестяще показывает, как советское общество превращается «из гигантской монолитной системы, какой оно было раньше, . . . в совокупность массивных, пересекающихся структур, соревнующихся друг с другом в борьбе за власть . . .»

А Голем, увы, всё набирает и набирает силу. Сожрет ли он своих творцов — или они сумеют овладеть им и обуздать его?

Борис ФИЛИППОВ

І. ГОЛЕМ

Корнелиус Касториадис называет советское общество «стратократией»¹, т.е. обществом, в котором правит армия, которую он понимает расширенно, включая в нее все, что связано с военной экономикой. Не принимая полностью все его утверждения, можно, однако, согласиться с тем, что господствующей тенденцией советского общества является возрастающее влияние советского военно-промышленного комплекса (ВПК), но все же его полного господства еще нет. Тем не менее его рост, выражающийся в лихорадочном капитальном стратегическом строительстве и гигантской гонке вооружений, которая прекрасно показана Касториадисом², принял характер, который действительно меняет общественно-политическую структуру СССР. Рост масштаба производства, быстрое усложнение общественной системы сделали невозможным ее эффективное руководство из единого центра. То, что происходит сейчас в СССР, является отражением радикальных структурных изменений внутри советского общества.

Уильям Одом полагает, что рост объема производства вошел в противоречие с системой централизованного планирования³. Но дело здесь глубже. Во-первых, речь идет о противоречии между экономическим ростом и политической системой в целом, одним лишь из проявлений которого является централизованное планирование. Во-вторых, речь идет о том, что партийный аппарат все более превращается в исполнительную структуру, зависящую от военно-промышленного комплекса, хотя Касториадис полагает, что это превращение уже давно закончено.

Таково, пожалуй, существо нынешнего политического положения в СССР. Хотелось бы напомнить старинную историю о пражском раввине, создавшем глиняного гиганта Голема, исполнявшего все его приказания с помощью каббалистических заклинаний. Но когда Голем вышел из повиновения и стал разрушать все окружающее, раввин должен был его уничтожить.

Коммунистическая партия всей своей деятельностью, самым фактом прихода к власти создала собственный Голем. Сейчас советский Голем вышел из повиновения, но партия уже не может, как это удалось раввину из Праги, обратить его в прах одним заклинанием.

§ 1. РАЗРУШИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Советская экономика носит разрушительный характер, а это вытекает из ее общих закономерностей, как экономики, построенной на государственной собственности. Можно сформулировать общие принципы советской политической экономики. К ним в первую очередь относятся фетишизм производительных сил и отсутствие какого-либо экономического регулятора.

1. Фетишизм производительных сил

Когда Маркс формулировал свой тезис о том, что общественный характер производства капиталистического строя противоречит частному характеру его присвоения, он, на самом деле, высказал лишь ценностное утверждение. То, что утверждал Маркс, по существу, означало, что развитию производительных сил в капиталистическом обществе имеются препятствия. В самом деле, отсутствие монополии, отсутствие государственной собственности на средства производства сковывало производительные силы, ибо классический частный капиталист должен был всегда учитывать интересы потребителя, а также тщательно соблюдать принцип экономической эффективности. Частный капиталист вовсе не был склонен идти на риск и вкладывать свои деньги в рискованное предприятие, быть может сулящее отдачи лишь через несколько десятков лет.

Для Маркса такие ограничения были вопиющим нарушением чего-то фундаментального, но таким фундаментальным для него был фетишизм производительных сил, который он не признавал и который вероятно можно объяснить разве лишь из бессознательного стремления человека к саморазрушению, как это заметил Фрейд.

Так или иначе, признав производительные силы приматом общества, Маркс не сомневался в том, что с их неограниченного развития должны быть сняты всякие препоны. Строй, который может обобществить средства производства, должен обеспечивать неограниченное развитие производительных сил.

Уже в рамках капиталистического общества наметилось стремление смести всякие препятствия развитию производительных сил в форме глубокой монополизации, картелизации, но все же западное общество нашло в себе некоторое противодействие против этого, сформулировав различные антитрестовские законы, позволяющие существовать и возникать также и мелкому бизнесу.

Тем не менее, рост крупного государственного сектора в экономике Запада и особенно быстрая гонка сложнейшего и дорогого вооружения создали благоприятные условия для возникновения гигантского военно-промышленного комплекса, постоянно старавшегося уничтожить ограничения для своего роста.

Так и создалось новое индустриальное общество, развитие которого в значительной мере стало определяться своей внутренней динамикой. Но уровень обобществления производства на Западе низок. Классический капитализм все еще занимает там важное место. Полное же и абсолютное снятие всех препятствий с производительных сил произошло лишь в СССР после победы большевистской революции. Эта революция немедленно установила примат производителя над потребителем и, несмотря на все заклинания, фактически устранила критерий экономической эффективности из экономических решений. Интересы экономики в целом учитывались лишь общими бюджетными ограничениями, экономическим балансом.

Важно, что коммунистические идеологи всегда смотрели на примат производителя, на навязывание потребителю продукции как едва ли на основное преимущество социализма, ради которого и должна была совершиться революция. Революция спасла, по их мнению, общество от перепроизводства. «Никем не потребляемый выпуск машин и механизмов (это фикция, ибо на Западе уже давно почти не работают на склад, а запускают в производство изделия лишь по получении на них заказа — М. А.) приводит к накоплению никому не нужных вещей и является бесполезной потерей для общества как целого, — говорит главный редактор *Правды* Виктор Афанасьев. — С нарастанием объема производства и совершенствования технологического оборудования, наступает момент, когда этот вид потерь начинает лимитировать рост возможностей общества».

Афанасьев утверждает, что «социалистическая революция плановой экономики» прекращает «все виды бесполезного труда»⁴. Допустим на минуту, что это верно. Но из бесполезного она делает его *вредным*! Ибо если что-то не используется в промышленности, это полбеда. Но если кому-то насильно навязывается то, что заведомо ненужно, это начинает приносить гигантский вред. Единственный путь ликвидации перепроизводства, — утверждают коммунистические идеологи, — это революция! Здесь — то мы и подходим к глубинным корням экономического учения марксизма как идеологии фетишизма производительных сил.

Именно этим объясняется также и тяга к массовому производству в ущерб мелкосерийному и индивидуальному. В самом деле такое производство вносит в экономику большую определенность. Как только создается завод массового произ-

водства, его продукцию легко распределить на несколько лет вперед в условиях централизованного хозяйства. По существу же, она просто навязывается потребителю. Мелкосерийное производство вообще-то призвано удовлетворять индивидуальные запросы потребителя. Но оно хуже всего поддается экономическому контролю.

Именно поэтому в СССР наблюдается постепенный отход во всех отраслях производства от мелкосерийной продукции, которая клеймится как «диверсификация» производства, т.е. придание ему ненужного разнообразия. Мелкосерийное производство стало якобы тормозом технического прогресса, — утверждают советские идеологи. В социалистической промышленности такая диверсификация, по словам Джермена Гвишани⁵, зам. председателя Госкомитета по науке и технике, вредна, так вместо учета индивидуальных и групповых интересов потребителя советская экономика все более освобождается от него и переходит на тотальное навязывание своей продукции.

Но именно массовое производство является самым разрушительным видом технологии, зловещей мегамашинной Льюиса Мамфорда⁶. Раз созданное, оно превращается в прожорливое чудовище, требующее постоянного стимулирования спроса и детерминирующее общественную систему⁷. В особенности, это касается массового производства оружия. Раз созданная крупная военная промышленность, ориентированная только на производство средств уничтожения, милитаризирует все общество и толкает его к войне, даже если международное положение вовсе не является угрожающим для данной страны. Нигде за пределами СССР не создана такая огромная военная промышленность, связанная с массовым производством оружия, и нигде эта военная промышленность так сильно не влияет на общественную систему в целом, являясь могущественным катализатором различных социальных процессов.

2. Отсутствие экономического регулятора

Другим фактором, определяющим разрушительный характер советской экономики, является отсутствие в ней экономического регулятора, иначе говоря отсутствие в ней внутреннего критерия экономической эффективности принимаемых решений. Стремление к экономической эффективности клеймится в СССР как погоня за прибылью. Гвишани и Микулинский очень точно формулируют это положение: «Движущей силой научно-технического прогресса в условиях капитализма является конкуренция и погоня за прибылью, что противоречит потребностям науки и техники»⁸. Они совершенно правы! Дело в том, что

конкуренция и погоня за прибылью в условиях классического капитализма заставляют искать экономически эффективные решения, а они-то и накладывают ограничения на технику. Стало быть внутренние потребности производительных сил состоят также в том, чтобы полностью избавиться от критерия экономической эффективности. В СССР это реализовалось полностью, ибо там, по существу, ни одно техническое решение не принимается на основе расчетов экономической эффективности. Такие расчеты используются лишь постфактум для получения премий.

Экономический регулятор в советской экономике, по существу, присутствует лишь в бюджетных ограничениях, но не в самом механизме ее функционирования. В последнее время советские идеологи все чаще прибегают как к критерию эффективности — *времени*, ссылаясь при этом на Маркса, между прочим утверждавшего и это. Согласно упоминавшемуся уже Афанасьеву «время... выступает, как важный, если не важнейший показатель эффективности»⁹. Что это означает? Любая техника, которая будет экономить время, затрачиваемое оператором непосредственно, будет приветствоваться. Можно, например, сделать полностью автоматический завод по производству автомобильных поршней, исключив из него все ручные операции, не заботясь, однако, о том, чего это будет стоить и сколько уйдет сопряженного труда, необходимого для изготовления этого самого завода и, наконец, легко ли будет переналадить этот мастодонт массового производства на другое изделие.

В некоторой степени пародией на такую технику является известный кинофильм Чаплина «Новые времена» с машиной по автоматическому кормлению человека сосисками. Но от этого мало чем отличается, например, лифт, в котором автоматизировано движение руки по открыванию двери ценой сильного усложнения автоматики, необходимости ухода за ней и более того опасности для пассажиров в случае выхода автоматики из строя во время движения лифта.

Если время — решающий критерий, то этим автоматически оправдываются все сложнейшие технические решения в ущерб простым. Критерий экономической эффективности может здесь действовать лишь как вспомогательный для анализа сопоставимых вариантов новой техники, сравнимой по уровню автоматизации. В СССР постоянно делаются попытки среди экономистов настаивать на критерии экономической эффективности новой техники, но им практически никто не пользуется.

Отсутствие экономического регулятора оказывает решающее влияние на механизм ценообразования. Это оказывается еще одним разрушительным качеством советской экономики. Дело

в том, что цены на промышленную продукцию, особенно на мелкосерийную, и уж во всяком случае на военную, сметы на научно-технические разработки составляются совершенно произвольно, исходя лишь из интересов производителя или разработчика, в расчете на централизованное распределение.

Один из крупных советских конструкторов в области военной электроники, бежавший на Запад, Анатолий Федосеев, говорит, что «и министерство, и предприятие кровно заинтересованы в максимальной величине... добавки, так как она определяет рентабельность предприятия... Где же факторы, противодействующие установлению цены, не соответствующей потребительной стоимости товара? Их фактически нет... Цена, утвержденная министерством, никогда не отвечает ни потребительной стоимости товара, ни его общественной стоимости»¹⁰.

Таков же совокупный опыт всех, знакомых с советской промышленностью.

Одом говорил, что истинным признаком мирных намерений СССР будет отказ от централизованной системы ценообразования¹¹. Мнение Одома вызвано непониманием советской политической экономии, в котором рыночная система ценообразования невозможна.

Но наиболее разрушительным последствием фетишизма производительных сил и связанного с ним отсутствия экономического регулятора является иррациональный характер советских капиталовложений. Если существующее уже предприятие можно с грехом пополам втиснуть в те или иные экономические рамки, то вопрос о капиталовложениях является исключительно волевым, ценностным, политическим, как бы его не называть. Решение о строительстве нового завода даже еще не является наиболее ярким примером, где может проявляться иррациональность подобных решений. В особенности, далеко идущие последствия может иметь произвольность решений в области долгосрочных капиталовложений в транспорт, топливно-энергетическую, добывающую промышленность; решений, связанных с размещением производительных сил. В экономике, освобожденной от ограничений классического капитализма, такие решения могут быть вызваны любыми соображениями.

Существует представление о плановости советских капиталовложений, как о чем-то полностью продуманном и вытекающем из экономических и социальных потребностей общества. На самом деле советский план капитального строительства — лишь совокупность произвольных решений. Решения о капиталовложениях — совокупность решений, вырабатываемых под действием различных групп давления часто безо всякого экономического обоснования. План означает лишь то, что любое вложение должно быть санкционировано сверху и не может быть

сделано произвольно снизу, но учреждения, утверждающие эти капиталовложения, лишены какого-либо экономического критерия при оценке их эффективности. Кроме того капиталовложения должны удовлетворять требованиям баланса. Как показывает советская же пресса, капстроительство в СССР предпринимается часто спонтанно и вне всякого координированного плана лишь под сильным политическим давлением, против которого плановые органы не в силах устоять, дабы не быть обвиненными в саботаже обороноспособности страны. Кроме того решения о капвложениях определяются региональными соображениями. Так решение о строительстве того или иного завода в Сибири может быть принято не потому, что там есть для этого необходимые условия, а именно вопреки им — для какой либо цели, часто не имеющей ничего общего с экономикой.

Например, Хрущев, узнав, что в дельте Дуная имеются мощные предприятия по переработке камышита, приказал в свое время строить целлюлозно-бумажный комбинат в Астрахани. Но выяснилось, что условия произрастания камышита в дельте Волги и Дуная столь различны, что рассчитывать на местный камышит в качестве исходного сырья для комбината не приходилось, по крайней мере, в первые годы его существования, так что в Астрахань стали сплавлять лес по Волге с севера¹².

Советские капвложения, как хорошо известно, могут быть не обеспечены ни оборудованием, ни рабочей силой по причине отсутствия их экономического обоснования и поэтому полностью неэффективны и даже убыточны. Могут начать производиться ненужные (и даже вредные!) машины, товары, вещества. Могут быть построены электростанции, не имеющие потребителей электроэнергии.

Хаотичность капвложений, их неэффективность — одна из самых разрушительных черт советской экономики.

В результате создается исключительно благоприятная обстановка для милитаризации советской экономики. Поскольку военные интересы имеют в советском обществе абсолютный приоритет, на все экономические решения неизбежно накладывается их отпечаток. Поскольку экономических регуляторов, по существу, не имеется, давление сил, мотивирующих свои требования военными интересами, всегда будет преобладать. Никаких сдерживающих механизмов против этого не имеется.

Поэтому разрушительный характер советской экономики приводит к ее глобальной милитаризации.

§ 2. ТЕХНОКРАТИЯ — ОРУЖИЕ МИЛИТАРИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Казалось бы, что движущей силой советской экономики являются военные интересы, что и утверждает Касториадис. В самом деле стратегические интересы СССР, потребности армии определяют количество производимого вооружения, сроки его обновления и т. п. и тем самым существенно влияют на общие экономические показатели страны. Но, во-первых, военное производство составляет лишь часть советской экономики, пусть даже и очень существенную. Во-вторых, сами по себе военные заказы еще не определяют всего технического прогресса. Ни армия, от которой исходят военные заказы, ни бюрократия, которая производит окончательное планирование, не выступают в роли инициаторов технического прогресса. Они могут выбирать лишь из того, что им предложат ученые и инженеры, т.е. советская технократия. Только на основе их предложений, на основе их рекомендаций определяются основные направления развития экономики.

Можно поэтому утверждать, что *élan vital* советских производительных сил является ни армия, ни промышленная бюрократия, а технократия. Но технократия действует в конкретных условиях советского общества, где военные интересы имеют абсолютный приоритет. Поэтому технократии очень трудно или невозможно добиться финансирования тех или иных наиболее сложных идей и проектов, кроме как обещанием использовать полученные результаты в военных целях, даже если сама армия и не выступает инициатором того или иного новшества. Таким образом, роль армии сводится к функции мощного катализатора советской экономики, но не к роли движущей ее силы.

Благодаря присутствию этого катализатора, технократия оказывает постоянное давление на бюрократию, сопровождающееся шантажом, согласно которому СССР проиграет гонку вооружений и войну, если только в то или иное предлагаемое новшество не будут вложены требуемые средства. Таким образом, технократия милитаризует почти всю свою деятельность, даже если она и не направлена на непосредственное создание орудий разрушения. Для любого новшества подыскивается стратегическое оправдание, и если оно не находится, то отбрасывается учеными и инженерами на ранних стадиях разработки. Но если у технократии оказываются вдруг иные средства получить бюджеты, она вовсе не обязательно использует в своих аргументах военные интересы. В самом деле, где это удается, она это и делает. Но ввиду абсолютного приоритета

военных интересов в СССР, делать это ей трудно. Таким образом, хотя большей частью динамика советских производительных сил действительно определяется военными интересами, технократия оказывается движущей силой милитаризации советской экономики, создавая непрерывно новый военный потенциал во всех областях, который сама армия не могла бы планировать.

Давление создается, главным образом, учеными и инженерами, ищущими точки приложения своей деятельности, возможности повысить свой статус, ученую степень, получить новую должность, штаты и т. п. Во многих случаях их инициатива поддерживается также промышленными администраторами, делающими карьеру на успешной реализации того или иного изделия.

Выгодная идея, во время подхваченная специалистом, позволяет ему быстро выдвинуться на работе, защитить ученую степень, возглавить лабораторию, отдел, институт и т. п. Происходит подлинная охота за идеями.

Поскольку, однако, защита подобных идей перед руководством может производиться лишь путем ссылки на международных соперников, то внутренняя динамика научно-технического прогресса в СССР, определяется быстрым подхватыванием технократами именно иностранных технических идей и пропагандированием их в СССР как жизненно важной необходимости для укрепления советского военного и стратегического потенциала.

Федосеев подтверждает эту общеизвестную истину. В СССР, говорит он, разработка оригинальных конструкций, не связанных с подражанием западным образцам (в основном американским) не только не поощряется, но и прямо препятствуется. «Только очень и очень немногие разработчики, — говорит Федосеев, — рисковали разрабатывать что-то свое, оригинальное. Это хоть и поощрялось на словах, но на практике существовало страшное недоверие к своему новому. Поэтому из-за естественной мелкой ошибки или опоздания в оригинальной разработке разработчика с позором снимали с поста, и карьера его кончилась»¹³.

«Мне было непонятно это стремление, — говорит далее Федосеев, — к копированию зарубежной техники и всяческое его поощрение вместо внимательного содействия развитию собственной отечественной мысли и техники».

Тот же Федосеев, сам того не осознавая, воспроизводит механизм давления снизу вверх, т.е. внутреннюю динамику советской экономики. Он дает следующую схему внедрения новой военной техники¹⁴:

- 1) получение сведений о новой технике или получение ее образца;
- 2) два-три года, по его словам, уходят на то, чтобы *военные* и партийные организации *осознали* значение новой техники;
- 3) год-два уходят на получение правительственного решения;
- 4) два-три года занимает пуск в производство;
- 5) год-два уходит на принятие на вооружение.

Как видно из этой схемы второй и третий этапы означают не что иное, как постоянное *давление* на «военные и партийные организации» со стороны специалистов. Ибо если бы эти организации были убеждены в необходимости такой техники, они бы не стали три года «осознавать» ее важность. Ясно, что делают это они только под давлением. Такое давление почти всегда безошибочно, ибо самый жесткий консерватор сопротивляясь ему, рискует оказаться в опасном положении человека, выступающего против интересов обороноспособности СССР — аргумент неотразимый.

Карл Шпилман отмечает, что наиболее динамичной силой являются не чиновники министерств, а именно конструкторы¹⁵. В самом деле, — говорит он, — если для какого-либо КБ будет потеряна возможность начать разработку нового самолета или ракеты, то это будет большим уроном для этого КБ, в то время как для министра это весьма безразлично, ибо какой бы самолет не был разработан, он все равно будет производиться его министерством, и заказ от него никуда не уйдет. Таким образом, даже чиновники министерств могут скорее оказывать сдерживающее влияние на конструкторов и ученых, являющихся двигательным нервом гонки вооружений.

Внутренняя динамика милитаризации советской экономики может быть продемонстрирована на двух примерах, а именно на примере разработки стратегического оружия и на примере автоматизации производственных процессов. Механизм их одинаков и соответствует тому, что мы видели в схеме Федосеева. Различие лишь в уровне лобби, заинтересованного в том или ином новшестве.

В любопытном «романе» *Битва* Николая Горбачева¹⁶, одобренном и изданном Воениздатом, и даже выставленном неудачно на соискание лит. премии РСФСР, показано, как проводилась в жизнь идея создания анти-ракеты, одного из самых прожорливых видов оружия, и при том настоящего «кота в мешке», которое никому не может дать уверенность в том, будет ли оно эффективно во время войны. Ведь такие системы предназначены лишь для одноразового пользования и любая ошибка, любой сбой может привести к фатальным последствиям. Разумеется, всегда можно провести блистательные испытания

анти-ракеты в мирных условиях. Но такие испытания неизбежно будут проведены в намеренно облегченных условиях. Противник может всегда применить в боевой ракете какую-либо новинку, которая сможет повысить ее защиту от обнаружения и т. п. Но создание и поддержание такой системы стоит колоссальных средств.

По Горбачеву создание анти-ракеты начинается с письма группы маршалов в ЦК КПСС, в котором утверждается, что та сторона, которая создаст первая анти-ракету будет диктовать свои условия — «теперь в мире в условиях производства глобальных ракет тот будет обладать силой, будет на «коне», кто первый поставит на «стартовый» стол анти-ракету»¹⁷. Представитель бюрократии, заместитель председателя СМ СССР, который проводит совещание в ЦК, посвященное разбору письма маршалов, говорит: «речь идет о письме группы маршалов в ЦК — назрела... крайняя необходимость создания противоракетной системы. Доказательства — бурное развитие и накопление стратегических ракет в ряде стран агрессивных блоков... Развитие ракет ставит под сомнение значение в будущем авиации и морского флота — точнее бомбардировочной авиации и надводных кораблей». Идея анти-ракеты, как видно из книги, встречает резкую оппозицию даже среди военных. Один адмирал даже заявил «в сильном возбуждении»: «Мы не можем принять точку зрения, выраженную в письме. В нем все от начала до конца, ерунда!»¹⁸

Давление снизу, однако, победило. Горбачев даже не скрывает, что против анти-ракеты велась сильная борьба (включая прессу!), но для изобретателей и создателей анти-ракеты она была «святым» и «правым» делом, ибо «все для укрепления обороны, для повышения крепости и мощи армии».

Горбачев вынужден признать необъятные средства, идущие на этого «кота в мешке»: «По закону цепной реакции развивающееся в эти годы оружие, — говорится в книге, — выращенное на самых передовых, но по злему року направленных именно на создание разрушающей силы, достижениях науки, требовало все больших жертв, неисчислимых затрат и усилий народа и требовало не в простой арифметической прогрессии, а во все убыстряющейся геометрической прогрессии. Голодное прожорливое чудовище»¹⁹.

По Горбачеву подали записку «маршалы». Формально он прав, но можно быть уверенным, что начало этой записки лежало ниже, и что маршалы длительное время ««осознавали», по выражению Федосеева, важность анти-ракеты.

Чтобы увидеть механизм давления технократии рассмотрим другой пример — историю советского программного управления^{20,21}.

В 1953 г. в США было впервые осуществлено управление станком по программе. Вскоре для американской авиационной промышленности было заказано несколько десятков станков с программным управлением целиком на средства гос. бюджета. ВВС вскоре прекратило заключать контракты с фирмами, не имеющими станков с ПУ. Из отчета делегации ФРГ явствует, что в США вовсе не ставили экономическую эффективность на первое место среди факторов, оправдывающих их покупку. В самом деле из 50 заводов, имевших тогда станки с ПУ, ни один из них не производил никакого экономического анализа при покупке. Оказалось, что государственные органы США непрерывно субсидировали ПУ, чтобы обеспечить занятость станкостроения.

Это была одна из мер дабы побудить фирмы обновлять свой станочный парк, для чего было произведено снижение налоговых ставок фирмам, осуществляющим капиталовложения в оборудование. Широкое использование дорогих станков с ПУ снижало цикличность станкостроения, т.е. стабилизировало его занятость. То же происходило в Англии. В отличие от США и Англии советское станкостроение постоянно перегружено, капиталовложения в нем крайне дефицитны и тем не менее в СССР началось массовое подражательное изобретение собственных станков с ПУ, стоившее по самым скромным оценкам десятки миллионов рублей.

Интерес к этому новому виду техники исходил как всегда не от администрации, а только от специалистов, которым программное управление сразу представилось исключительно выгодной возможностью повышения статуса. Оно впервые приносило в цехи машиностроительного завода электронику, математику, вычислительную технику, причем все это сосредоточивалось в руках заводского технолога. Это выделяло его из общей среды, увеличивало престиж и обещало возможности для карьеры, в то время как статус заводского технолога в СССР очень низок. ПУ для него явилось революционным событием.

Программное управление стало в СССР бумом, привлечшим тысячи людей. Начались лихорадочные работы по программному управлению во множестве мелких и крупных организаций. Подавляющее большинство из этих работ преследовало лишь цели написания диссертаций и извлечения фондов. Было даже выпущено несколько книг по программному управлению, являвшихся компиляциями иностранных источников, в то время как в СССР не было еще ни одного работоспособного станка с ПУ. Растранижив огромные средства и не создав ничего, мелкие организации отсеялись и остались лишь три крупных организации продолжившие заботы в области ПУ. Число со-

трудников и средства, затрачиваемые ими, зависели от степени их секретности. И именно в наиболее секретной, принадлежавшей ракетной промышленности, сосредоточилось наибольшее число сотрудников, не давших по существу ничего из-за секретности и легкой доступности фондов. Все брали за прототип ту или иную западную модель ПУ. Если в США разработкой ПУ занимались крупные приборостроительные фирмы, в СССР этим занялись машиностроители, не имевшие никакого опыта в области электроники. Дело было в том, что для приборостроительных организаций ПУ было задачей, не сулившей никакого дополнительного престижа, ибо это не было продуктом, непосредственно направленным на военные цели, как например, вычислительные машины или военная электроника.

Внедрение станков с ПУ превратилось в массовое бедствие для авиационных и ракетных заводов. Были сформированы многолюдные отделы ПУ, приносившие большие убытки. После огромных хаотичных затрат, являвшихся результатом именно действующей под девизом: «не будет станков с ПУ — проиграем войну», их доля в общем объеме валовой продукции советского станкостроения едва достигла в 1968 г. 0,1%, в то время как соответствующая доля в американском станкостроении была более 25%. После того, как эти цифры были «усвоены» ответственными чиновниками, видевшими вдобавок многочисленные станки с ПУ на международных выставках, им ничего не осталось как начать их серийный выпуск.

За редкими исключениями научно-технический прогресс в СССР развивается именно таким образом: без плана, хаотично, как совокупный результат давления технократов на армию и правительство.

Советскую систему, начиная с памятной книги Владимира Дудинцева *Не хлебом единым* (1956 г.), обвиняют в том, что она якобы тормозит научно-технический прогресс. Но на самом деле она тормозит лишь усилия индивидуалистов, выступающих вне сложившихся организационных рамок, вне технократии, при чем усилия, направленные на поиски подлинно экономических решений, не требующих больших капиталовложений; усилия, не находящие себе аналогий в западной промышленности, равнение на которую держит технократия. Невозможно оправдать в глазах бюрократов, распределяющих бюджеты, реализацию усилий одиночки-изобретателя. Они никогда это не «освоят». Если то, что предлагает одиночка-изобретатель, не существует в США, Англии или Японии, это значит, что его изобретение попросту ненужно, ибо его нельзя мотивировать известным аргументом: «Не будет того (или иного) — окажемся слабее, проиграем войну». Таков-то и есть

подлинный девиз советского научно-технического прогресса, приводящий к неограниченному росту ВПК.

Советский инженер, действуя в рамках своей организации, может творить чудеса. Как только он отклонится от этого пути, его ждет катастрофа.

Советский научно-технический прогресс поэтому носит массовый подражательный характер. Он лишен, как правило, революционных решений и поисков, но это и придает ему свойства могучего тарана, добивающегося решений, не оригинальных, а проверенных, пусть с некоторыми отклонениями. Такова внутренняя динамика советского ВПК, милитаризирующего весь научно-технический прогресс.

Запад, да и не только он; многие люди в СССР также строили надежды на будущее, полагаясь на то, что рано или поздно к власти в СССР придет «либеральная технократия». Но эта технократия скорее всего является воплощением образов, заимствованных из самых мрачных научно-фантастических романов. Она разоряет страну и ориентирует советское общество на войну.

В свое время западные наблюдатели обратили внимание на резкие статьи Рыбкина и Бондаренко о советской стратегии в мировой ракетно-ядерной войне, в которых настаивалось на том, что в случае такой войны победа над Западом возможна и необходима, а иная точка зрения расценивалась, по существу, как разоружение перед противником²². На этом основании такие обозреватели, как Олсоп и Зорза решили, что в советской системе появились «ястребы», желающие воспрепятствовать разрядке. Они были приблизительно правы, но с той лишь поправкой, что такие «ястребы» всегда были в СССР, и что Рыбкин, и Бондаренко лишь марионетки более могущественных сил.

Уильям Скот, возражавший против такой точки зрения, указывал на то, что Бондаренко является соавтором статьи вместе с одним из ведущих советских «либеральных» технократов Гвишиани, на которого мы уже неоднократно ссылались. Один факт соавторства с Гвишиани, по мнению Скота, исключал принадлежность Бондаренко к «ястребам». Ошибка Скота заключается в том, что как Гвишиани, так и его меньший брат Бондаренко принадлежат в ВПК, где технократия играет ведущую роль.

Особыми свойствами советской технократии является исключительная самоуверенность, чувство того, что она — технократия может по мгновению ока или мысли вершить судьбами

миллионов или же тысяч людей, причем будет так насколько ей хватит воображения. Ограниченность средств, природные ограничения — все это чуждо мысли советского технократа. Он уверен в том, что ни одно из его требований не останется не удовлетворенным. Он чувствует себя богом. Александр Янов очень точно передает это чувство, хотя и приписывает его советскому рабочему, крайне угнетенному и отчужденному элементу советского общества. «Теперь рабочий, — говорит Янов, — сам становится богом. И не просто становится, но и сознает себя богом — вот, что важно»²³.

Художественной иллюстрацией самоощущения советского технократа являются произведения одного из бардов советской технократии писателя Михаила Колесникова, между прочим парторга московской писательской организации. Герой его книги молодой технократ Алтунин за короткое время совершает молниеносную карьеру от директора сибирского завода до зам. министра. Про себя Алтунин думает то, же что «рабочий» Янова: «Я творец. Я ворочаю в голове тысячами человеческих судеб. Я создаю облик не только современного производства, но и облик современного общества»²⁴. В ответ на требование зам. министра дать какую-нибудь свежую идею структурного развития промышленности, Алтунин немедленно генерирует идею зонирования промышленности развития восточных районов страны, от которого будто бы, как он тут же подсчитал, государство получит за 10 лет экономию в 53 млрд. рублей!!! Но дело в том, что в этих районах нет не только своей рабочей силы. Алтунин хорошо знает, что даже и существующие еще сибиряки массами покидают Сибирь. Как бы города, построенные для этой зонированной промышленности не оказались бы пустыми, побаивается Алтунин. Но он и здесь абсолютно уверен, что знает нужный ответ: нужно строить жилье, нужно больше платить людям, а кроме того внушить им, что работа на сибирских заводах почему-то является романтической. «Сибирь нужно пропагандировать!»²⁵ — утверждает Алтунин, как бы забывая, что этим вот уже лет 25 и занимается советская пропаганда. Но Алтунину все легко. Он уверен, что может переделать природу и общество.

Если для западного технократа, в котором, конечно, есть все те же алтунинские потенции, есть реальные ограничения: конгресс, парламент и т. п., для Алтунина никаких ограничений нет. Он всемогущ.

Естественно, что роль советской технократии постоянно возрастает в связи с ростом экономики, в связи с ростом ассигнований на науку. Технократия поэтому отнюдь не желает удовлетвориться ролью простой служанки какой-либо другой силы, в том числе и армии. Со стороны технократии уже от-

крыто выдвигались требования, что именно она должна стать ведущей силой общества. Пока же постоянно возрастает ее роль внутри ВПК. Однако, не исключено, что в будущем ее роль еще более повысится. У технократии есть свое лобби и внутри партии, которое так или иначе поддерживает амбиции технократии, которая впрочем на советском идеологическом жаргоне называется «интеллигенцией». В официальных партийных органах уже указывается на «неизменное возрастание роли советской интеллигенции... в решении задачи коммунистического строительства»²⁶. Призывается повысить роль «интеллигенции», «ибо она аккумулятор знаний и культуры общества»²⁷.

Хотелось бы также отметить, что с интересами технократии тесно связана и инфляция высшего образования в СССР.

Множество специальностей, в лучшем случае требующих курсов повышения квалификации, становятся в СССР высшим образованием. Опасность этого состоит не только в том, что столько-то и столько-то людей получило специальность, не столь нужную для народного хозяйства, а в том, что в их лице армия людей, использующих науку и технику как средство повышения своего личного социального статуса, резко усиливается.

§ 3. РАДИКАЛИЗМ ПРОТИВ КОНСЕРВАТИЗМА

Можно часто встретить мнение о том, что СССР как целое — консервативная, окостеневшая страна. На самом же деле, СССР одна из самых радикальных общественных систем в мире, ибо в ее основе лежат мощные производительные силы, не ограничиваемые экономическими регуляторами и поэтому требующие преобразования общественной системы, хотя вовсе не обязательно демократического. Вряд ли поэтому можно распространять на СССР концепцию азиатского способа производства²⁸. Азиатский способ производства консервативен. Он не может стремиться к перманентным преобразованиям общественной системы. Перед ним стоит только одна глобальная задача, как например, регулирование водного режима крупных рек или же какие-либо крупные оборонительные стройки вроде Китайской стены. Поскольку производительные силы древних обществ были статичны, эти общества, решив ту или иную строительную задачу, могли потом окостеневать сколь угодно долго.

Советское же общество живет в обстановке постоянных преобразований. Это проявляется в различных сферах этого общества.

То, что, например, поражает в советской армии, замечает

Одом, это отнюдь не ее бюрократизм, а, напротив, быстрая трансформация, как например, быстрое образование стратегических ракетных войск, быстрая перестройка флота²⁹. Это же на многих других примерах показывает Касториадис³⁰. За этим несомненно стоит динамизм советского ВПК.

Неоднократно упоминавшийся нами Федосеев, жалующийся на отсталость и косность советской науки и техники, противоречит сам себе. Так о своей собственной, созданной им самим технике, он между прочим говорит, как о самой передовой, не имеющей равной на Западе³¹. Он также как бы не замечает, с какой скоростью рос его собственный отдел, с какой относительной легкостью было получено разрешение на строительство нового института и обращает внимание лишь на совершенно второстепенные споры о планировке помещений.

Самым радикальным итогом советского общественного развития за последнее время оказалась концепция научно-технической революции (НТР). Эта концепция была заимствована в западном науковедении, но там она никогда не принимала такого глобального значения, которое приобрела в СССР. Ее главным тезисом стало положение, что наука превращается в ведущую силу производства, да едва ли и не всего общества. Достаточно ознакомиться с формулировкой НТР Гвишиани и Микулинского: «НТР обладает относительной самостоятельностью и внутренней логикой своего развития». Они утверждают, что «в отличие от всех прошлых эпох, когда люди черпали новые идеи из наблюдения над природными явлениями или наталкивались на них в процессе производственной деятельности, теперь в 20-м веке, научные идеи рождаются преимущественно в силу внутренней логики развития самой науки»³². Последние слова исключительно важны, ибо указывают на демонстративный отказ от какого-либо экономического регулирования научно-технического прогресса.

Но наряду с этим в советском обществе есть и сильное консервативное начало, не заинтересованное ни в каких переменах и вынужденное идти на них только под давлением обстоятельств. Это правящий партийный аппарат, пока что являющийся формальным хозяином производительных сил. Он-то и есть та самая древняя бюрократия, которая воцарялась после завершения великих строек древности. Всякие перемены опасны для ее власти, и она относится к ним крайне настороженно. Но положение советской партийной бюрократии крайне противоречиво, так как легитимацией ее власти является унаследованная ею радикальная идеология. Партаппарат оказывается нелепым монстром: бюрократией — формальной носительницей радикализма, что заставляет его оправдывать все свои действия идеологией, в которую он давно не верит.

Надо, однако, иметь в виду, что партаппарат неоднороден, и интересы отдельных его частей могут быть различны. В партаппарате есть отделы, по существу, не связанные с административным, бюрократическим управлением. Это прежде всего международный и идеологический отделы ЦК, смысл деятельности которых состоит во всемерной радикализации общества. Их поведение, их интересы могут существенно отличаться от поведения и интересов остальной части общества. Наконец, в среде самой административной бюрократии могут встретиться различные течения, склонные к радикализму, и являющиеся лобби радикальной части советского общества. Общая ситуация не представляется абсолютно детерминированной ввиду социальной расплывчатости всего советского общества.

Так или иначе тот, кто смотрит на советскую систему лишь как на продолжение дореволюционной общественной системы; существенно заблуждается. Можно полностью согласиться с Касториadisом, что советская система является принципиально новым явлением³³. Разумеется, в советской системе есть ряд преемственных элементов и, возможно, партаппарат, в том виде, в каком он сейчас существует, и является некоторым наследником старой бюрократии, как консервативная сила, но помимо этого сходства имеются глубокие различия. Аналогии советскому обществу, разумеется, в пределах разумных ограничений, надо искать в западных многонациональных монополиях, в западных военно-промышленных комплексах, которые, однако, не могли уйти из-под экономического контроля общества^{34,35}.

§ 4. ЭКСПАНСИОНИЗМ И ИЗОЛЯЦИОНИЗМ

В соответствии с наличием радикализма и консерватизма в советском обществе, оно содержит одновременно тенденцию к экспансионизму и изоляционизму.

Ян утверждает следующее: «Хотя милитаризация советского бюрократического общества гораздо глубже, чем буржуазного американского, между капиталистическим и государственным милитаризмом имеются существенные различия»³⁶. Поскольку, по мнению Яна, внутренние экономические противоречия советского общества не ведут к расширению заморских рынков сбыта и якобы безусловно не ведут к эксплуатации сырья и рабочей силы в других странах, то, заключает он, советского империализма не существует. Исходя из этих ошибочных предположений, Ян квалифицирует советский милитаризм только как бюрократический, хотя такая составляющая в нем безусловно есть. В самом деле бюрократический милитаризм, по существу, является изоляционистским, но Ян не видит в со-

ветском милитаризме его агрессивной составляющей, которую он приписывает лишь агрессивному капиталистическому милитаризму.

В его глазах подобное мнение не противоречит фактическому расширению советской территории и сферы влияния с 1917, ибо эта экспансия, по мнению Яна, имела место не столько в результате внутренней социальной и экономической динамики советского общества, сколько из-за нацистской агрессии и американской политики холодной войны, когда СССР пришлось занять оборонительную позицию.

Итак, согласно Яну, империалистический характер советской экспансии не может быть доказан, в то же время изоляционистский советский милитаризм заинтересован якобы в поддержке «статус кво» и в предотвращении войн.

Ошибка Яна не в том, что он утверждает наличие бюрократического милитаризма. Он есть, но помимо него есть и крайне агрессивный милитаризм, намного более агрессивный, чем любой «капиталистический ВПК». Этот милитаризм исходит от ВПК, который оказывается могущественной политической силой внутри советской системы и имеющей сильное лобби внутри партии.

ВПК стремится стать глобальной силой, как у себя в стране, так и за ее пределами. Его развитию препятствует уже не только бюрократия, его развитию препятствуют государственные границы СССР, его уже не удовлетворяют рамки советского блока и даже влияние в третьем мире. Его внутренняя динамика вступает в противоречие не только с политической структурой СССР но и в противоречие со сложившейся политической структурой мира. Каждая новая страна внутри советского блока, каждый новый очаг военных конфликтов, где СССР принимает прямое или косвенное участие, является новым стимулом для ВПК.

Советский ВПК хочет установить контроль над всем миром. В этом его *raison d'être*. В этом внутренняя логика его развития. Все, что мешает его развитию, должно быть сметено с лица земли. Если ресурсы СССР в чем-то ограничены, создание глобальной мировой экономики позволит черпать ресурсы из всего мира. В СССР уже открыто формулируется и обсуждается идея создания всемирного хозяйства, как дело недалекого будущего. «Переход к коммунистической цивилизации, — говорят Загладин и Фролов, — является спасением человеческой цивилизации вообще»³⁷.

Империализм Запада был лишь первым приближением к попытке глобализации всемирной экономики. Советский империализм по настоящему глобален. Он требует абсолютного доминирования. Он тотален в своих претензиях.

Вряд ли кто из западных авторов столь ярко показал экспансионистский характер советского милитаризма, чем Касториадис. Он представляет его «как грубую силу ради грубой силы»³⁸, т.е. утверждает, что он подчинен лишь своей внутренней динамике. Но эта «грубая сила» является следствием политической экономии советского общества. Она объясняется характером его производительных сил. Касториадис лишь неправ в том, что недооценивает «бюрократического милитаризма» в СССР, до сих пор оказывающего сдерживающее влияние на советскую экспансию.

II. PAX SOVIETICA

Советский радикализм превратился в господствующую тенденцию советского общества уже в середине 60-х гг., перевесив изоляционистские тенденции партийной бюрократии. Под растущим давлением ВПК в 1966 г. была впервые в истории СССР конкретно, а не абсолютно выдвинута программа глобальной победы в мировом масштабе. Джадсон Митчелл замечает, что именно в этот период в СССР была открыто и четко сформулирована концепция «скорого мирового господства»³⁹.

«Мир и социализм неотделимы!» — утверждает официальный советский лозунг⁴⁰. Это означает, что в мировом масштабе мир может быть достигнут только при полной победе социализма. Раньше коммунистическая идеология связывала мир и социализм лишь эсхатологически. Теперь эта связь приобрела характер близкой неотвратимой возможности. Михаил Суслов, главный советский идеолог, сказал в 1971 г.: «Невиданное обострение всех антагонизмов капиталистического общества делает революционные преобразования настоящей необходимостью»⁴¹. Суслов также сказал, что «всемирный революционный процесс замены капитализма социализмом продолжает развиваться и углубляться»⁴². Согласно Суслову и другим советским лидерам мировая победа коммунизма является почти неизбежным близким событием из-за общего распада западного мира и его неспособности сопротивляться. «Предстоящие десятилетия, — говорит академик Николай Иноземцев, — ознаменуются новыми прорывами цепи империализма в различных звеньях. Социальные революции возможны в самых разных районах капиталистического мира, а также в развивающихся странах»⁴³.

«У Запада нет будущего, — утверждает влиятельный журналист, член ЦК КПСС Юрий Жуков. — Западная система незащитима»⁴⁴.

Общий кризис Запада и его внутренние противоречия поставили по новому вопрос о достижении мирового господства. Теперь, полагали советские стратеги, для этого не нужна была обязательно мировая война. Достаточно, думали они, создать сильный военный перевес и мощную промышленную базу, чтобы любой внутренний конфликт на Западе, любой пере-

ворот в развивающейся стране был нейтрализован от западного вмешательства угрозой глобальной войны и даже тотального ядерно-ракетного столкновения. Таким образом, мировой революционный процесс предполагалось стимулировать из СССР под его ядерно-ракетным зонтиком. Политической формой этого зонтика была концепция взаимного сдерживания, но лишь на экспорт.

По словам Ричарда Пайпса, доктрина взаимного сдерживания, в основном, проповедуется для поддержки антивоенных интеллектуальных кругов на Западе⁴⁵. В самом СССР такая точка зрения критикуется как буржуазный пацифизм. Что же касается Китая, он мог бы быть нейтрализован угрозой ядерного нападения, а впоследствии можно было бы путем давления изменить в нем руководство.

Новая стратегия требовала резкого увеличения капиталовложений в подрывную деятельность и революционное движение на Западе, а также на создание всепроникающего лобби. Такое лобби превратилось уже в шестую колонну, мощь и влияние которой намного превысило мощь пресловутой пятой колонны Франко и дало возможность, легальную и открытую, нейтрализовать любое решение Запада сопротивляться.

В самом деле, как говорит Томас Хаммонд, СССР стал самым крупным подрывным центром мира⁴⁶.

Вышеизложенная концепция под видом *разрядки* имела колоссальный успех. Самое интересное, что никто в СССР и не скрывал ее истинного характера, но хорошо зная западную психологию, советские лидеры были твердо уверены в том, что любые их внутренние высказывания будут истолкованы западными политическими деятелями и учеными как пропаганда для домашних целей.

Именно поэтому Брежнев мог открыто сказать, что необходимо «перевести классовую борьбу в русло, не угрожающее войнами, опасными конфликтами, бесконтрольной гонкой вооружений»!⁴⁷

Безусловно, разрядка, как процесс, допускала какой-то период мирного сосуществования стран с различным государственным строем при условии того, что называется «перестройкой международных отношений», но этот период мог иметь только кратковременный характер, как например, выдвинутый Лениным в 1917 году лозунг борьбы за победу буржуазно-демократической революции и смена его через несколько месяцев лозунгом борьбы за социалистическую революцию. Именно это и имел в виду Суслов, когда говорил, что существуют «объективные предпосылки для перестройки всей системы международных отношений на принципе мирного сосуществования государств с различным общественным

строим»⁴⁸, а также маршал Баграмян, по словам которого «не исключено, что в обозримом будущем еще до полной победы социализма на нашей планете, война исчезнет из международного обихода»⁴⁹.

Когда Е. Петров говорит, что «разрядка не означает замораживания объективных процессов исторического развития»⁵⁰, он имеет в виду лишь одно: разрядка не помеха, а даже отличное средство на пути к мировому господству.

Главное, что надо было — ни в коем случае не спровоцировать глобальную войну с США в процессе мирного советского наступления. Согласно ошибочным расчетам архитекторов разрядки, эта страна легко могла быть убаюкана и затем задушена мирно. Концепция разрядки была хорошо приспособлена к ментальности некоторых западных политических деятелей, а также к близорукости западного бизнеса, который еще, по словам Ленина, готов сам вырыть себе яму. Запад надеялся, что разрядка покончила навсегда с опасностью глобального военного конфликта. Но авторы политики разрядки в СССР воспринимали ее как устранение опасности на пути глобальной военной конфронтации на пути к вечному миру — *Pax Sovietica*.

Тем временем, именно, разрядка, а не ядерные бомбы, должны были подорвать промышленные и политические центры мира, а особенно США, мирно (опять мирно!) путем общего экономического кризиса, которым СССР собрался манипулировать с помощью нефтяного и золотого рычага. Тем временем можно было скупать по дешевке западную технологию.

Однако, дабы доминировать в мировом масштабе, советское общество должно выполнить ряд других существенных внутренних условий, которые были *conditio sine qua non*. Эти условия формулировались следующим образом: индустриализация, интернационализация, интеграция, урбанизация⁵¹.

§ 1. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

Это означает, что СССР должен был стать самой мощной индустриальной державой мира, чья индустриальная мощь была бы намного большей, чем мощь всего остального мира.

Ясно также, что будущий мировой порядок (как бы его не представлять) может быть гарантирован, если только в мире будет существовать лишь один главный промышленный центр, причем никакому другому району мира, включая США, не будет дано возможности успешно конкурировать с ним. Советские лидеры уже имеют много уроков, включая урок Китая. Они несомненно читали Орвелла и не желают того, чтобы будущий мир распался на несколько коммунистических сверхдержав.

Программа индустриализации, как и всего комплекса мероприятий, предназначенных для построения мировой коммунистической системы, была принята в 1966 г. на 23 съезде партии. На этом съезде объем капиталовложений на пятилетку был намечен в 310 млрд рублей — на 25% выше, чем за предыдущую пятилетку⁵².

Главный редактор журнала *Октябрь* Анатолий Ананьев говорит, что в 1966 г. «менее дальновидные государственные деятели предлагали расширить пока то, что уже было разведано, освоено и давало продукцию... более дальновидные выдвигали иные планы с перспективой на будущее»⁵³. Именно «дальновидные» и победили. Именно тогда было принято решение приступить к разработке того, что казалось крупнейшим месторождением нефти и газа, а именно Западно-Сибирского месторождения. Это означало создание новой топливно-энергетической базы для дальнейшего промышленного прыжка. Сибирь казалась еще неизрасходованной кладовой СССР и туда-то и были направлены огромные капиталовложения. Для развития топливно-энергетической базы было начато также строительство гигантских электростанций, в основном на Ангаре и Енисее.

Для расширения сырьевой базы была начата разработка Курской магнитной аномалии, а кроме того началась стройка Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Невозможно, однако, перечислить все строительные площадки новой промышленной революции.

На 24 съезде партии в 1971 г. объем капстроительства был уже намечен в объеме 354 млрд. рублей⁵⁴.

С 1970 по 1974 г. было построено 1600 крупных предприятий и объектов, что равноценно промышленному потенциалу целых стран⁵⁵.

На 25 съезде партии в 1976 г. эта тенденция получила дальнейшее подтверждение. За четыре года, прошедшие после съезда, включая 1979 г., было освоено 440 млрд. рублей, причем на 8,3 млрд. больше, чем предполагалось⁵⁶. За один 1979 г. объем капвложений достиг 132 млрд. рублей⁵⁷. За три года после съезда было введено 700 крупных промышленных предприятий.

Можно заметить, что новая политика индустриализации является возрождением советской политики индустриализации конца двадцатых годов, но с гораздо более далеко идущими целями. Тогда ставилась задача преобразования СССР. Сейчас всего мира.

Анализируя новый этап индустриализации западные и большинство советских наблюдателей, привыкшие к сталинскому лозунгу о победе коммунизма в одной стране, упустили подлинное содержание нового плана. СССР полностью отказывался

от какого-либо коммунистического изоляционизма, возникшего в первый период правления Сталина и обусловленного низким уровнем развития его производительных сил и неподготовленностью страны стать доминирующей силой в коммунистическом мировом сообществе, буде такое создано. Но к концу своего правления Сталин, кажется, уже готов был изменить свою программу.

Новый этап индустриализации преследует цель построить не замкнутое коммунистическое общество, а промышленную основу *Pax Sovietica*, мировой коммунистической системы. Сам Брежнев подчеркнул это довольно ясно: «Строительство коммунизма в СССР — главный интернациональный долг советского народа перед революционным движением, перед всем человечеством»⁵⁸.

Суслов также рассматривает место экономики как центральное, как «главную сферу борьбы за полный коммунизм в условиях победившего социализма»⁵⁹. Для Суслова полная победа коммунизма — планетарное событие. Он настаивает на быстрых темпах развития экономики, как одной из важнейших особенностей социалистической системы. Руководитель международного отдела ЦК Борис Пономарев также призвал превзойти экономический потенциал Запада, чтобы диктовать ему свою волю. Обсуждая проблему сверхдержав, он заметил: «сила сама по себе не порок. Важно в чьих руках она находится»⁶⁰.

«Могучий рост экономического и оборонного потенциала Советского Союза, усиление его международного влияния и авторитета, растущее воздействие мирового социализма на ход истории» — открывает, по словам журнала *Коммунист*, — «новые возможности для все более полного проявления преобразующего созидательного характера внешней политики СССР»⁶¹. В том же журнале, как и во многих других местах подчеркивается: «Коммунистическое строительство в СССР неотделимо от мирового революционного процесса, от борьбы за мир и социальный прогресс. Это отчетливо проявляется во всей международной деятельности нашей партии»⁶².

§ 2. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Этот пункт программы означает глубокие изменения в национальной легитимации и международной ориентации системы. Дело в том, что с конца двадцатых годов в СССР возникла двойная легитимация советской системы в национальном вопросе. Русские были доминирующей частью населения, а кроме того почти единственной наряду с украинцами базой индустриализации в стране, а также основой советской армии. Хотя формально лозунгом легитимации советской системы, начиная с 30-х годов, был т.н. «советский патриотизм», этот лозунг

всегда был двойственным. Для русской части советского населения он носил характер русского патриотизма, в то время как его «советская» оболочка была предназначена для нерусской части населения. Гюнтер Штокль следующим образом формулировал значение советского патриотизма: «В своей основе советский патриотизм не что иное, как выражение отношения политически сознательной нации к своему национальному государству. Советская нация означает, прежде всего, русский народ, хотя в настоящий момент этот народ и не является единственным советским народом и даже однородным советским народом»⁶³.

Для Сталина было очевидно, что только русский народ является главной и бесспорной демографической базой советской политической системы. Именно поэтому, исходя из замеченной им в 20-х годах идеологии национал-большевизма, развитой в среде некоммунистических попутчиков революции, Сталин и остановился на концепции советского патриотизма, как очень удобного прагматического лозунга⁶⁴.

Ориентация Сталина на русскую демографическую базу особенно сказалась во время войны, когда война трактовалась открыто как русская национальная, а знаменитый тост Сталина за русский народ в 1945 г. был одним из наиболее откровенных выражений его национальной политики.

Но по мере советской послевоенной экспансии стало выясняться, что исключительный расчет на русскую демографическую базу может быть вреден. Действительно, русские пострадали гораздо больше, чем все другие народы СССР, от издержек системы: революции, гражданской войны, террора, голода, коллективизации, войны с Германией, преследования бывших пленных и массового бегства на Запад после революции и войны с Германией.

Потери СССР в 1918-1926 гг. за счет революции, войны, террора, голода и детской смертности составили примерно 13,8 млн. человек. Голод 1933-1934 гг. унес до 3,5 млн. жертв. Всего в 1926-1938 гг. потери населения составили около 7,5 млн. человек. 7,5 млн. человек погибло на войне. Погибло также 6-8 млн. человек (в том числе много евреев, но не более 2 млн. человек). К этому следует добавить 9-11 млн. жертв репрессий в 1939-1958 гг.

Всего потери населения СССР оцениваются в 42,3 млн. жертв и 6,5 млн. эмигрантов⁶⁵.

РСФСР стоит на первом месте среди советских республик по потерям населения, если судить по дифференциальной смертности мужчин и женщин. На втором месте — Украина, на третьем — Белоруссия, и уже потом следуют мусульманские республики.

Но даже и эти потери не являются конечной причиной резкого ухудшения демографического положения русских. Так казахи, чеченцы, ингуши и ряд других мусульманских народностей в процентном отношении потеряли больше населения, чем русские, но они тем не менее восстановили свою демографическую базу. А русские этого сделать не смогли.

Дело было в том, что русские вследствие их массовой урбанизации, гораздо большей чем у всех других народов страны, и вследствие распада их традиционной семьи, пришли к такому снижению рождаемости, которое стало едва ли не самым низким в мире.

Таким образом, становилось все более нереалистичным оправдывать (даже молчаливо) существующую политическую систему русскими интересами. Кроме того резкое увеличение влияния СССР в третьем мире еще более ставило под вопрос целесообразность «советского патриотизма». В свете же планов построения мировой коммунистической системы и подавно нельзя было строить расчеты на русских как на демографическую базу.

Поэтому концепция «советского патриотизма», носившая в основном изоляционистский характер, стала заменяться концепцией «пролетарского интернационализма». Собственно говоря, «пролетарский интернационализм» как принцип существовал давно в политическом словаре советской системы, но на него не делался акцент как на что-то противоположное советскому патриотизму. В последние годы понятие «советского патриотизма» стало вытесняться, а вместо него порою стали использовать понятие «социалистического патриотизма». Их различие открыто подчеркивается. Так согласно Шамоте, «патриотизм» неотделим от слов Ленин, Октябрь, социализм⁶⁶. В одной из книг, изданных в Казахстане, было специально подчеркнуто, что советский патриотизм *нельзя* отделять от пролетарского интернационализма⁶⁷. Постоянно подчеркивает определенную разнородность понятия «патриотического» и «интернационального» Суслов, призывая увязать их в единое целое⁶⁸.

Литература призывается быть застрельщицей в области пропаганды пролетарского интернационализма. По словам упомянутого Шамоты, «в энергичной до бесстрашия, в высокохудожественной до гениальности, в истинно личной до самозабвения поддержке, распространении, возвышении идеи интернационального братства» — главный долг современной советской литературы⁶⁹. Быть интернационалистом, по словам Зои Кедриной, «надо думать не о своей только нации, а выше ее ставить интересы всех»⁷⁰.

Но пролетарский интернационализм стал также официальной легитимацией советской экспансии и вмешательства в дела

других стран. В СССР, по словам Джадсона Митчелла, сформулирована органическая связь между пролетарским интернационализмом и идеологической борьбой социализма и капитализма⁷¹.

Наряду с концепцией пролетарского интернационализма сформулирована концепция сближения социалистических стран причем, как мы увидим ниже, в тех же терминах, как концепция сближения разных народов СССР. Поскольку, как мы также увидим, сближение является первым, а слияние является вторым этапом образования советского народа, за сближением социалистических стран следует ожидать и их слияние. Эта же концепция сближения и слияния может быть распространена на весь мир. Пока же, как мы видим, формулируется принцип перестройки всех международных отношений. Проблема интернационализации, как часть программы *Pax Sovietica* очень четко сформулирована Ричардом Косолаповым. Он говорит о «сращивании внутренних отношений с международными, что позволяет изменить методологию подхода к социалистическим возможностям революционных масс». «В марксистскую методологию, — говорит Косолапов, — вместо узконационального «странового» подхода (с учетом соотношения сил только в своей стране) все шире проникает подход, основанный на учете интеграции общественных отношений внутри страны с международными отношениями, в которых эта страна реально участвует». Косолапов откровенно указывает на конечную цель этого процесса, а именно на «достижение социальной однородности национальных и международных связей — однородности внешней для данного народа и его внутренней социальных сред, их органическое слияние, консолидацию национальных социалистических обществ в интернациональное коммунистическое сообщество, которое можно бы по Марксу назвать «обобществленным человечеством»⁷².

§ 3. ИНТЕГРАЦИЯ

Но пролетарский интернационализм лишь новая *легитимация* системы. Ей должна соответствовать и новая демографическая база. А для этого нужно срочно осуществить интеграцию советского общества: национальную и социальную. Индустриализация СССР и будущая мировая коммунистическая система, центром которой должен быть СССР, требуют огромное количество новой рабочей силы и персонала. Для этого необходима полная социальная мобилизация советского населения, в то время как до настоящего времени лишь часть его полностью вовлечена в существующие производительные силы. Населе-

ние многих нерусских республик, а также русское сельское население лишь частично использовались промышленностью к концу 60-х гг. Наконец, глубокие национальные различия, мешают как социальной мобилизации, так и использованию советского населения в глобальных целях. Невозможно интегрировать мир в рамках мирового коммунистического общества, если интеграция не будет достигнута в самом СССР.

Таким образом, единственным выходом из положения для архитекторов будущей глобальной системы является создание новой демографической базы — *советского народа*.

Программа национальной интеграции была окончательно сформулирована в том же 1966 г., причем ее первоначальная форма была наиболее радикальной. Говорилось о слиянии наций, что потом было заменено акцентом на их сближение. Стали открыто говорить об уничтожении республик. Так например, призывалось к «денационализации» республик (сюда, разумеется, входила и РСФСР, которая давно уже была денационализирована). При этом говорилось, что «нации останутся, а национальное государство в СССР отомрет», и что речь может идти только о формах и темпах отмирания⁷³. Предлагалось преобразовать союзные республики в автономные, изменить территории союзных республик и, в частности, Казахстана⁷⁴.

Под это подводилась соответствующая теоретическая база. Так Куличенко поясняет, что «все национальное, возникшее в жизни того или иного народа на этапе капитализма, является, конечно, социальным». Он резко возражает против преувеличения этнического фактора в определении нации. Его не устраивает даже характеристика нации, как «социальной этнической общности». Чтобы как можно более сократить емкость понятия национального, Куличенко отказывается включить в состав наций и даже народностей «этнические и национальные группы, представляющие «осколки наций и народностей», по тем или иным причинам оторванные от них». Естественно, что этим уничтожается вся национальная диаспора. Куличенко утверждает, что «развитие человечества... характеризуется действием всемирно-исторической тенденции к ассимиляции народов», и именно социализм создает условия для падения национальных перегородок⁷⁵.

Советские лидеры постоянно делают акцент на проблеме интеграции. Это, в частности, конек самого Брежнева. На вопрос газеты *Ле Мوند* о том, как он относится к росту мусульманского населения в стране, Брежнев ответил: «Нас это явление не беспокоит. Напротив, оно радует нас». По словам Брежнева, существует единый сплав — советский народ⁷⁶. Именно интеграцию советского общества Брежнев рассматривает как основное свое достижение, говоря, что главной тенденцией

советского общества является «дальнейшее упрочение единства и сплоченности». Брежнев особо выделил «сплоченность наций и народностей»⁷⁷.

К дальнейшему укреплению «братской дружбы народов» постоянно призывает и Суслов, причем, по его словам, «в совместной борьбе трудящихся всех наций и народностей за новые успехи коммунистического строительства подтверждается эта нерушимая дружба; великое чувство общности и неразрывности исторических судеб советских людей». Суслов призывает выявлять «конкретные, зримо выступающие приметы постепенного сближения наций в ходе строительства коммунизма, братское сотрудничество всех народов, создавших могучую советскую экономику — единый народно-хозяйственный комплекс»⁷⁸.

Инструментом интеграции был выбран русский язык, преподавание которого было сделано обязательным там, где оно раньше таковым не было, а там, где русский язык был лишь иностранным, ввели преподавание всех предметов на русском языке, как например, в Карелии. Изучение русского языка было сделано всесоюзной задачей. Изабелла Крейндлер подробно рассказывает о всех усилиях, сделанных в направлении изучения русского языка⁷⁹. Центральным событием в ряде этих усилий было постановление Совета Министров от 13 октября 1978 г. об улучшении преподавания русского языка в республиках. Одновременно в редакции журнала *Коммунист* было организовано совещание об усилении преподавания русского языка в рамках допризывного военного воспитания. При этом была высказана озабоченность в связи с недостатками обучения русского языка в республиках Средней Азии и Закавказья⁸⁰.

Важным препятствием интеграции была еще раз признана религия, как усиливающая национальные различия.

Еще одним направлением интеграции оказывается стремление организовать переселение нерусских народностей в Россию, хотя бы на временной основе, путем направления туда на работу. Так по инициативе первого секретаря ЦК Узбекистана Шарафа Рашидова в Новгородскую область послана узбекская строительная бригада, а в Ивановскую и ту же Новгородскую области бригады для проведения мелиоративных работ с общим объемом — 210 млн. рублей!⁸¹ Был также объявлен набор добровольцев, в том числе из Узбекистана, Эстонии, Украины и Белоруссии, общим числом в 100.000 человек для работы в центральной России⁸².

Кроме национальной интеграции стал делаться постоянный акцент и на экономической интеграции, т. е. на том, что ни одна из республик, включая, разумеется, и РСФСР, не может претендовать на исключительное обладание своими производ-

ственными мощностями и ресурсами, ибо «естественные богатства и создаваемые ценности принадлежат всему народу». 80% капиталовложений в 1978 г. планировалось общесоюзными органами и лишь остаток республиканскими⁸³.

При подчеркивании того, что происходит «усиление общесоюзных начал», говорилось также о выравнивании уровней экономического развития разных районов страны. Иначе говоря, утверждалось, что менее развитые республики получают из государственного бюджета больше по сравнению с тем, что они создавали. Поскольку РСФСР, Украина и балтийские республики были наиболее промышленно развитыми районами страны, часть их дохода должна была отчисляться в менее развитые республики, что можно установить и на основании советской экономической статистики, как показано в исследовании Шпехлер⁸⁴. Правда, признавалось, что такое выравнивание имеет определенные границы и что «известное неравенство останется всегда». Таким образом, политика выравнивания, т.е. экономической интеграции означала угрозу экономическим интересам именно РСФСР и других промышленно развитых районов.

Наконец, важным элементом интеграции является также стремление создать т.н. общесоветскую культуру. Директор института этнографии, Юрий Бромлей, подчеркивал, что нельзя отождествлять общесоветскую культуру на русском языке с русской культурой. «Этническое своеобразие культуры далеко не сводится лишь к языковой форме», — говорит Бромлей. По его же словам, «совершенно несостоятельны попытки советологов представить как руссификацию тот факт, что в процессе культурной интеграции в СССР огромная роль принадлежит русскому языку»⁸⁵.

§ 4. УРБАНИЗАЦИЯ

Имеется несколько причин, почему урбанизация внутри СССР приобретает ключевую роль в планах построения мировой коммунистической системы. Деревня является большой внутренней слабостью советской системы. Без ее успешной интеграции советская система не может претендовать на интеграцию других стран и народов, так же как и в случае с национальной интеграцией.

В самом деле в деревне сохраняется или же сохранялся уклад жизни, резко отличающийся от городского. Деревенские жители привязаны к земле и в этом качестве являются хозяевами ее. Их труд не отчужден, как труд промышленного рабочего и носит ярко выраженную задачу — добывание первичных

сельскохозяйственных продуктов. Эти продукты непосредственно осязаемы, легко поддаются счету. Их назначение очевидно. Крестьянин — по природе экономист. И дело не только в том, что он является собственником земли. Опыт показывает, что даже при коллективном методе хозяйства, несмотря на снижение эффективности крестьянского труда, крестьянин все же продолжает видеть непосредственные плоды своего труда и выбирать наиболее эффективные его пути, если только размеры хозяйства дают ему эту возможность, и если он обладает правом самостоятельных действий внутри этого коллектива.

Этого лишен промышленный рабочий, ибо труд его полностью отчужден. Этому лишен также инженер, ибо ни ему, ни рабочему невозможно видеть реальный вклад каждого работника в конечный результат деятельности промышленного предприятия. Рабочий не может, например, понять, что внедрение дорогого автоматического оборудования может снизить экономическую эффективность предприятия, ибо не он покупает это оборудование.

Крестьянину же приходится постоянно учитывать эффективность своего труда. Производительные силы, которыми он располагает, преследуют ограниченную цель. Они используются тогда, когда нужны. Крестьянин будет выбирать то сельскохозяйственное орудие, тот сельскохозяйственный метод, который, по его мнению, полезен. Поэтому сельское хозяйство обычно достигает высокой эффективности из-за неотчужденного характера этого вида трудовой деятельности.

Но это представляет экзистенциальный вызов городу, советской системе, которая создала такой вид промышленности, труд в которой в принципе отчужден и не является поэтому экономически эффективным. Производительные силы в городе и деревне в принципе организованы по разному даже в советских условиях, во всяком случае в тех деревнях, где еще сохранились колхозы, которые институционально не являются государственной собственностью. Несомненно, что даже в советских условиях колхозная коллективная собственность не приводит полностью к отчуждению труда.

Колхоз гораздо больше должен считаться с принципом экономической эффективности, чем совхоз, полностью становящийся на государственный бюджет. Именно поэтому и происходит давний процесс преобразования колхозов в совхозы.

Итак, наличие не полностью отчужденного деревенского уклада бросает вызов советской системе. Собственно говоря, лозунг уничтожения деревни был провозглашен с самого начала революции и даже до нее, как стирание противоположностей между городом и деревней. Но тогда этот лозунг носил абстрактный характер.

В последнее время уничтожение крестьянства, как важнейшая сознательная программа*, была заново сформулирована советскими лидерами, как например, Сусловым, который говорил, что «преобразование всего уклада деревенской жизни, сближение условий труда и уровня жизни города и деревни» является одной из важнейших задач советского общества⁸⁶. Уничтожение крестьянства является целью уже того промежуточного общественного строя, который советские идеологи называют «развитым социализмом». А этот строй «являет собой общественный строй без антагонизмов с разрушенными в своей основе классовыми перегородками, большей подвижностью социальных граней и активным свободным перемещением граждан из одного общественного строя в другой». Согласно Суслову «дальнейшее сближение рабочего класса и колхозного крестьянства» — необходимое условие успешного строительства коммунизма⁸⁷. Ричард Косолапов утверждает, что этот процесс уже успешно реализуется: »Шаг за шагом уничтожается разница между рабочим и крестьянином»⁸⁸. Однако, легко видеть, что это уничтожение разницы и сближение — не обмен между классами, как говорил Суслов, а постепенное уничтожение крестьянства. В самом деле в книге, изданной в Новосибирске в 1969 г. прямо говорится, что стирание грани между городом и деревней произойдет путем стирания с лица земли всякой деревни...⁸⁹.

«Главное, — говорит Косолапов, — это рабочий класс, в частности, потому, что он освоил всю городскую крупнопромышленную культуру (т.е. дошел до крайней степени отчуждения!), имеет решимость и способность отстоять ее, сохранить и развить дальшие ее завоевания, сделать ее доступной всему народу, всем трудящимся»⁹⁰.

Поэтому ничего не должно быть взято в город из деревни. На этом Косолапов строго настаивает. «Стоит упомянуть, — говорит он, — мнение, согласно которому формирование социально однородного общества истолковывается, как процесс, в ходе которого все классы и слои усваивают лучшие качества друг друга, а не какого-то одного передового класса, хотя им и является рабочий класс... В нашей стране происходит отнюдь не «окрестьянение» промышленных рабочих и работников совхозов, а, наоборот, усвоение колхозниками качеств и черт промышленных рабочих»⁹¹, иначе говоря полное отчуждение от результатов труда.

Становится понятным, что акцент на рабочем классе отнюдь не является демагогией. Превращение крестьян в рабочих — жизненно важный процесс советского общества.

*) О социальных целях урбанизации см. также Friedgut T., *Integration of the Rural Sector into Soviet Society*, Research Paper No. 15, The Soviet and East European Research Centre, The Hebrew University of Jerusalem, 1977.

Однако, какая-то часть сельского населения должна все же остаться в деревне. Ее призвано существенно изменить и «оздоровить». При этом ссылаются на Ленина, который говорил, что «только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе в состоянии в корне изменить психологию мелкого земледельца»⁸². Постоянно усиливается стремление как можно ближе свести труд сельскохозяйственный и промышленный. «Не случайно, — говорит Косолапов, — столь остра сейчас проблема полного перевода сельскохозяйственного производства на современные индустриальные рельсы»⁸³. Уже сейчас «увеличивается доля работников, связанных с современной техникой»⁸⁴. Упомянутый Ананьев утверждает, что идет новое наполнение слова крестьянин⁸⁵. Главная сила новой деревни — механизатор: «он неотделим от своих машин, как неотделима от него и новая культура, пришедшая в деревню»⁸⁶.

В самом деле профессия механизатора является типичным проявлением отчужденного сельскохозяйственного труда, в которой преодолена первичная связь крестьянина с природой и продуктами своего труда. Механизатор в советских условиях выполняет лишь отдельные операции, которые способен выполнять только тот вид машины, на которой он работает, и оплачивает его труд по нарядам, вне зависимости от общего результата сельскохозяйственного труда. Он не отвечает за результаты своего труда.

Но дело все же не только в социальных преобразованиях, как таковых, призванных осуществить социальную интеграцию. Индустриализация требует постоянного притока новых трудовых ресурсов, а их можно почерпнуть только из деревни, так как в принципе неэффективная советская экономика приводит к повышенной занятости населения вследствие низкой производительности труда и множества ненужных работ.

Уже коллективизация была не только средством уничтожения традиционного деревенского уклада, но также и способом мобилизации трудовых ресурсов. Ко всем отрицательным качествам деревни, как она рассматривается в советской системе, прибавляется и то, что она мешает полностью использовать столь нужные промышленности трудовые ресурсы. Именно поэтому социальное преобразование деревни должно резко сократить численность сельского населения по примеру США или Канады, где в сельском хозяйстве, причем очень продуктивном, занято не более 6% всего населения. Но на самом деле имеется большая опасность того, что массовая индустриализация советского сельского хозяйства может даже увеличить потребность деревни в людях из-за чрезвычайно низкой производительности труда советского промышленного рабочего, каким становится

механизатор. Кроме того, резко увеличивается потребность в трудовых ресурсах, выпускающих сельскохозяйственную технику и обслуживающих ее.

Вадим Кожевников полагает, что скоро наступит время, когда почти все сельскохозяйственные работы можно будет производить безлюдно⁹⁷. Это сразу вызывает недоуменный вопрос. Если в самом деле можно автоматизировать столь сложно поддающееся автоматизации сельское хозяйство, которое нерегулярно, зависит от погоды и многих других неопределенных природных условий и оставить его без людей, почему нельзя столь же успешно автоматизировать промышленное производство, гораздо легче поддающееся автоматизации?

Важно отметить, что уничтожение деревни рассматривается и как важнейшее средство национальной интеграции. Упомянутый Куличенко приводит слова, сказанные Сталиным еще в 1925 г.: «Национальный вопрос есть по сути дела крестьянский вопрос»⁹⁸. Иначе говоря, крестьяне являются основными носителями национальных различий, и стоит уничтожить деревню, как острота национального вопроса исчезнет. Об этом прямо говорится в работе В. Шпилюка, который настаивает на прогрессивной роли городов, как центров интенсивной интернационализации⁹⁹.

Как программа реализации политики урбанизации и было принято в 1974 г. известное постановление о Нечерноземье¹⁰⁰, которое как видно из его названия, касалось лишь одной русской деревни, оставшейся главным источником рабочей силы для индустриализации. Нерусская деревня оставалась неприкосновенной, что лишь подчеркивало прагматический характер постановления. Программа Нечерноземья предусматривала сверхиндустриализацию сельскохозяйственного труда и превращение его в разновидность труда промышленного. Предполагалось объединить сельскохозяйственное производство с перерабатывающими промышленными предприятиями в единые агропромышленные объединения, что будто бы сулило крупные выгоды.

Брежнев следующим образом сформулировал программу Нечерноземья: 1) повышение плодородия; 2) создание новой материально-технической базы сельского хозяйства; ускорение перевода его на индустриальную основу; 3) преобразование сел и деревень в благоустроенные поселки; 4) решение социальных вопросов. На эту программу выделялось 35 млрд. рублей.

В 1976 г. было издано еще более радикальное постановление «О дальнейшем развитии, специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межколхозной кооперации и агропромышленной интеграции»¹⁰¹. В этом постановлении утверждалось, что «слабая концентрация производ-

ства в колхозах и совхозах сдерживает развитие индустриализации земледелия и животноводства..., по существу, становится тормозом экономического и, следовательно, и научно-технического прогресса в этой отрасли.

Далее отмечалось, что сельскохозяйственное производство рассредоточено по мелким бригадам и фермам. Призывалось еще раз создать широкую сеть агропромышленных предприятий, а также ликвидировать различие между городом и деревней.

Обратим внимание на указание на мелкие бригады и фермы. По существу, это указание означает, что существующая инфраструктура сельской местности более не соответствует потребностям индустриализации. В самом деле в 1974 г. 40% сельского населения Нечерноземья проживало в малых деревнях с числом жителей до 200 человек¹⁰². Итак программа Нечерноземья, по существу, означала уничтожение русской деревни в том виде, в котором она вступила в 70-е гг. Действительно, согласно утвержденному плану, из существующих в Нечерноземье 143 тысяч населенных пунктов намечалось оставить всего 29 тысяч «перспективных» деревень¹⁰³. В оставшихся «бесперспективных» деревнях было строжайше запрещено что-либо строить или ремонтировать. Они должны были быть ликвидированы за 10-15 лет. Формально предлагалось переселить крестьян из этих деревень в крупные сельскохозяйственные поселения, где было начато жилищное строительство городского типа по типовым проектам пятиэтажных домов, чтобы приобщить крестьян к городскому типу цивилизации. Утверждалось, что сселение крестьян в поселки нового типа сократит удельные капиталовложения до 20% на одного жителя¹⁰⁴.

Очень четко выразил программу урбанизации покойный первый секретарь ЦК партии Белорусии Петр Машеров: «Партия вплотную занялась решением масштабной, в высшей степени благородной задачи — коренным переустройством деревни. Цель этой поистине грандиозной работы — устранить историческое несоответствие между характером сельского расселения и поселений и потребностями нынешнего высококонцентрированного сельского хозяйства». Цель, — по словам Машерова, — «постепенная концентрация жилья в крупных, благоустроенных пунктах»¹⁰⁵.

Наряду с уничтожением деревни программа урбанизации намечала и уничтожение или же модернизацию т.н. малых городов России, жизнь в которых за счет наличия больших приусадебных участков, быть может, была еще менее отчуждена от природы, чем в деревне, ибо сельскохозяйственный труд, которым занимаются жители малых городов, никогда не был

организационно объединен в какие-то формы. По преимуществу это частное хозяйство. На жителей малых городов России, как на источник трудовых ресурсов индустриализации, указывал Косыгин¹⁰⁶.

Уже говорилось о влиянии западной модели сельского хозяйства на программу урбанизации. Об этом можно найти много свидетельств в советской прессе. В частности, об этом свидетельствует демограф Староверов, говоря, что «многие ссылаясь на успехи сельского хозяйства развитых капиталистических стран, на то, что там меньшая доля сельского населения обеспечивает потребности в продуктах земледелия и животноводства, ратуют за ускорение темпов сельской миграции в города»¹⁰⁷. О том же говорит и Ананьев¹⁰⁸. Но дело в том, что сокращение сельского населения в западном сельском хозяйстве было длительным естественным процессом. Кроме того западное сельское хозяйство строго рационализировано, подчинено погоне за прибылью (т.е. экономически эффективно). Труд в нем не отчужден от его результатов, что полностью отсутствует в советском сельском хозяйстве за исключением некоторых элементов колхозной системы. Западное сельское хозяйство в отличие от советского не является пожирателем государственных бюджетов. Итак, в результате программы Нечерноземья бесперспективные деревни, т.е. огромный процент сельского населения, были сознательно поставлены в нетерпимые условия. Староверов, изучавший процессы миграции из деревни в город на примере одного района Калининской области, показывает, что из 547 поселений района 477 не имело клубов, 423 села, в которых проживала половина населения района не имели никаких культурно-бытовых учреждений, 86 из них расположены на расстоянии более 5 км от ближайшего клуба, 167 на таком же расстоянии от библиотеки. В 412 деревнях никогда не показывалось кино. «За сводками об укрупнении начальных и восьмилетних школ, — говорит Староверов, — специализации сельских магазинов и т. п. скрываются тысячи деревень, которые остались без очагов культуры и регулярного медицинского обслуживания или какого-либо бытового обслуживания. Если на 10 тысяч населения районного центра приходится 23 врача и 117 коек, то в сельской местности — 2 врача и 33 койки. Причем эти два врача должны обслуживать более чем по 150 деревень каждый»¹⁰⁹.

В таких условиях массовая миграция из сельской местности не могла не иметь места. Крестьяне вместо того, чтобы переселяться в новые агрогорода, стали массами покидать сельскую местность, а молодежь стала вербоваться, куда глаза глядят.

Очень важным элементом миграции из деревни оказалась эмансипируемая деревенская молодая женщина. Как отмечают

многие, она-то и оказалась движущей силой социального преобразования деревни. Прежде всего начался исход именно девушек, оказавшихся в первых рядах отрицателей деревенского образа жизни. На 1 января 1977 г. в Кировской области мужчин в возрасте от 16 до 19 лет было больше, чем женщин на 8000¹¹⁰. В 12 сельсоветах Калининской области в 1971-1972 гг. в деревню вернулось после армии 87 юношей. Половина из них в тот же год женилась, но каждого третьего из них невеста увезла в город. В то же время школу в районе окончило 200 девушек, из которых на селе осталось лишь 15!¹¹¹

Сильное влияние на распад деревни оказала также массовая культура, которая стала внедряться туда после распространения телевизоров. Телевизор «лишь подчеркнул несоответствие традиционного сельского уклада современному городскому, укрепил городские ориентации молодежи села»¹¹².

Миграция приобрела необратимый характер, ибо создалась модель стандартизированного поведения крестьян, как результат длительного и устойчивого процесса. В сельском населении, — как замечает Староверов, — создались определенные психологические сдвиги, «когда сложилось в привычку или традицию уезжать из деревни в город». Уже к 1975 г. Нечерноземье превратилось преимущественно в урбанизированную зону. Если к тому времени в СССР в целом было 40% сельского населения, то в целом по РСФСР осталось 35% сельского населения, а в Нечерноземье — 27-28%. В Ивановской и Тульской областях этот процент составлял 10-25%¹¹³. В результате стремительной урбанизации к 1990 г. Горьковская и Кировская области превратятся в гипер-урбанизированные районы с 85% городского населения¹¹⁴.

С 1959 по 1978 г. число населенных пунктов в СССР почти исключительно за счет РСФСР уменьшилось более чем на 40%¹¹⁵.

Но более того население, которое еще называется сельским, далеко не все занимается сельскохозяйственным трудом. В одном из районов Калининской области трудоспособные колхозники и работники совхозов составили не более 20% всего населения¹¹⁶. Остальные — это пенсионеры, школьники, интеллигенция, работники обслуживания и быстро растущий слой людей, живущих в деревне, но работающих в промышленности, часто даже очень отдаленной.

При уменьшении общего сельского населения на 3% с 1959 по 1970 г. по СССР численность трудоспособного населения снизилась на 15%, а в Нечерноземье на 34-42%¹¹⁷.

III. ПОБЕДА И ТУПИК

Грандиозный план *Pax Sovietica* с одной стороны увенчался крупными успехами. В самом деле внешнеполитические удачи СССР были потрясающими. Советская сфера влияния росла во всех частях света. В Африке, Азии, Латинской Америке — всюду росло число стран, либо прямо входящих в советский блок, либо попадавших в сферу влияния СССР. Вьетнам, Лаос, Камбоджа были захвачены коммунистами. Южный Йемен, Эфиопия, Ангола, Мозамбик и др. страны попали в советскую сферу влияния. Все это было блестящим успехом. Но... все эти успехи имели глиняные ноги, ибо самая важная часть — программа внутренняя, потерпела поражение.

Прежде всего зашла в тупик программа индустриализации. С одной стороны советская промышленность превысила американскую по производству стали на 20%, нефти — на 33%, угля — на 33%, цемента — на 65%, по производству тракторов на 230%. Однако, в то же время темпы промышленного роста в СССР постоянно снижались и упали за 10 лет с 7,1% до 3,4% в 1979 г. Причиной этого было широкое капитальное строительство с одной стороны, а с другой отсутствие экономического регулятора в направлении капиталовложений. Несмотря на то, что производство стали, нефти, угля выросло, дефицит металла и топлива возрос еще более из-за того, что значительная часть этих материалов шла не на производство, а снова на строительство, которое, как известно, отличается особой материалоемкостью. Дабы обойти этот дефицит, советские планировщики решили еще более увеличить разработку естественных ресурсов, но добывающая промышленность как раз и есть самый крупный пожиратель металла и топлива, а это еще более усугубило дефицит¹¹⁸.

Главной ставкой индустриализации, как говорилось, были западно-сибирские нефть и газ. Но по отношению к ним даже в СССР царил плохо скрытый скептицизм, ибо, по всей видимости, оценки запасов нефти и газа в этом районе были резко завышены, причем подозревают, что методы разведки там сильно напоминали научные методы Лысенко. СССР не удалось привлечь к разработке этих месторождений западный капитал, хотя такая попытка была сделана. Японцы, уже имевшие печальный опыт на Северном Сахалине, когда предложенная им для финансирования разработка нефти оказалась резко

завышенной по запасам, отказались финансировать гипотетические Западно-Сибирские месторождения.

В советской печати указывалось, что себестоимость западно-сибирской нефти будет в 2-4 раза выше волжской, ибо большая ее часть находится на Крайнем Севере. Выяснилось также, что большое количество уже пробуренных скважин не используется из-за отсутствия инженерной подготовки их эксплуатации¹¹⁹. В 1978 г. газета *Труд* сообщала, что добыча нефти в Тюмени находится на грани срыва¹²⁰. Не случайно Роберт Кэмпбелл назвал всю затею с западно-сибирской нефтью и газом «отчаянной игрой». Ясно одно, что если западно-сибирские нефть и газ не решат проблемы топливной базы индустриализации, СССР окажется в критическом экономическом положении¹²¹.

Лихорадочная индустриализация вызвала резкий экономический кризис. Сибирские леса, если не были вырублены, то были разграблены, реки отравлены, живая природа оказалась на грани уничтожения¹²².

Провалилась и амбициозная программа урбанизации и не потому, что не удалось разрушить русскую деревню. Деревня была разрушена, но вместе с нею было подорвано сельское хозяйство. Несмотря на гигантские капиталовложения, значительная часть техники, направленной в деревню, быстро превратилась там в груды металлолома¹²³. Механизаторы на мощных тракторах систематически уничтожали чувствительную пахотную землю¹²⁴. Исчезновение малых деревень и отсутствие дорог¹²⁵ привело к тому, что огромные пахотные земли были заброшены. Мелиорация обратилась массовой вырубкой лесов. Химизация привела к уничтожению флоры и фауны. Отток сельского населения, социологические сдвиги, отчуждение труда в деревне привели к массовому падежу скота в самые сытные сезоны, оттого, что некому было кормить скот¹²⁶. В 1979 г. сельскохозяйственное производство в Нечерноземье выросло лишь на 2% по сравнению с исходным 1974 г. Эффективность капиталовложений упала, стоимость сельскохозяйственной продукции резко возросла¹²⁷. Примером может служить Тульская область. Урожаи там снизились, навоз исчез. Кислых почв стало на 75 тыс. га больше. Выяснилось также, что крестьяне совсем не хотят жить в новых населенных пунктах городского типа. И это не удивительно. В Тульской области, как и во многих других местах строили, например, пятиэтажные дома без канализации!¹²⁸

Во многих областях Нечерноземья сельскохозяйственное производство упало ниже уровня 1975 г. Псковская область уже три года не выполняет планы закупок сельскохозяйственной продукции. В Калининской области — 235 колхозов и сов-

хозов не выполнили трехлетний план ни по одному виду продукции¹²⁹.

Более того массовая урбанизация сельского населения России не решила ключевую проблему индустриализации — нехватку трудовых ресурсов и не только не решила, а даже ее усугубила. Во-первых приток трудовых ресурсов из сельских районов России оказался недостаточным, а во-вторых, хаотичным и направленным не в те районы, где прежде всего нужны были трудовые ресурсы, ибо основные капиталовложения делались в местах с низкой плотностью населения. Более того коренное русское население Сибири, где шла основная стройка, стало массами покидать ее. Началась депопуляция целых областей таких, как Магаданская или Камчатская. Русское коренное население почти покинуло Якутию. Если раньше трудовые ресурсы в стране в основном регулировались государственными органами, то впоследствии миграции населения приняла хаотический характер. Если в 1951-1955 гг. оргнабор в стране охватывал примерно 2833 тыс. человек, то в 1966-1970 гг. всего 573 тыс. человек.

Вместо того, чтобы ехать на стройки Сибири, русское сельское население выбирало большие города центральной России или ее южные районы, а также направлялось в Прибалтику и Среднюю Азию, что совсем не предусматривалось планом.

Положение усугубляется еще и тем, что молодежь вообще выражает растущее нежелание работать в промышленности. Резко выразилась тенденция ухода в сферу обслуживания. Подавляющее большинство выпускников сельских средних школ намерено учиться, а не работать после окончания школы. Так уже в 1963 г. только 10% выпускников средних сельских школ Новосибирской области хотело работать после окончания школы, а в Ленинградской всего 3%¹³⁰.

Но в настоящее время трудовые ресурсы русского села вероятно можно считать почти исчерпанными.

В то же время мусульманские районы страны почти не дали трудовых ресурсов для индустриализации. Мусульманское население никогда не было в массе склонно к промышленному труду, предпочитая сельское хозяйство и сферу обслуживания.

Большие капиталовложения были сделаны и в районах с мусульманским населением, но оказалось, что рабочую силу для этихстроек приходилось вербовать в России или на Украине. Так например, строительство Нурэкской ГЭС в Таджикистане вербовало шоферов, экскаваторщиков, плотников, штукатуров в Красноярске, Перми, Новокузнецке, Усть-Илимске, Находке, на Украине и в Прибалтике (в двух последних районах видимо русских). На строительстве электрохимического комбината в той же республике было только 34%⁰

местных рабочих кадров, причем не указывалось, кто они по национальности. Часть из них также могла быть русскими или украинцами¹³¹.

Молодежь Средней Азии, в основном, оседала в сельском хозяйстве и не только женщины, но и мужчины. Отток сельского населения из Средней Азии составил к 1978 г. не более 5⁰/₀¹³². Но и городское население Средней Азии, по существу, не оторвалось от деревни, ибо 40⁰/₀ горожан в этом регионе также занимается сельским хозяйством¹³³. В Узбекистане только 5⁰/₀ узбеков хотело бы переехать в город из деревни, а из них только 2⁰/₀ планирует это в течение ближайших двух лет¹³⁴. Примерно то же происходит в европейской Татарии, населенной мусульманами¹³⁵.

Есть группа американских демографов — Льюис, Роулэнд, Клем, полагающих, что нет причин, почему со временем экономические факторы не могут возобладать над общественными и культурными, и что в будущем советские мусульмане могут решить под их давлением мигрировать в Россию, как это, например, делают турки и алжирцы, мигрируя в Европу¹³⁶. Однако, большинство других демографов и специалистов в области СССР, как Маррей Фешбах, Джереми Азраэл, по справедливости, уверены в том, что шансы на эмиграцию мусульманского населения из Средней Азии в Россию нулевые. Само наличие у них больших семей — препятствие к этому, — замечает Азраэл¹³⁷. Указания Льюиса на то, что экономические факторы могут повлечь за собой такие миграции, не учитывают того, что существует сильный частный сектор, и что всегда можно прокормиться за его счет. Если же в России будут созданы особые стимулы для работы, то в первую очередь Среднюю Азию покинут европейцы. Уже сейчас этот регион начали покидать немцы, которых там проживает 1 млн человек. Там есть также плохо укорененные группы, как поляки (75 тыс.), крымские татары (250 тыс.), корейцы (170 тыс.). Среди русских же проживающих там, большое количество — это потомки ссыльных, которые при возникновении новой ситуации могут быстро покинуть Среднюю Азию.

Что же касается реальной возможности миграций в Средней Азии, то она возможна в двух направлениях: переселении мусульман в Южный Казахстан и миграции казахов в Северный Казахстан¹³⁸.

Итак, нехватка рабочей силы оказалась одним из существенных тормозов индустриализации. Уже в 1970 г. советский социолог Николай Лапин говорил, что проблемой проблем индустриализации является недостаток рабочей силы¹³⁹. В 1976 г. Брежнев заявил: «потребность в рабочей силе у нас будет расти как в производственной, так и в непроизводственной сфере. А

между тем действие демографических факторов, связано с отдаленными последствиями войны, приведет в 80-х гг. к резкому сокращению притока трудоспособного населения»¹⁴⁰.

Но дело сейчас не в отдаленных последствиях войны, а в прямых последствиях политики индустриализации и урбанизации. Возникает мощная положительная обратная связь между этими процессами и дальнейшим демографическим кризисом, преимущественно русского населения.

В самом деле дефицит трудовых ресурсов вынуждает власти отклонять один реальный источник возможного повышения рождаемости за счет сокращения использования женского труда. В принципе можно вложить средства, дабы получить быстрое повышение рождаемости путем повышения зарплаты мужчин и путем сильного экономического стимулирования рождаемости, однако, при этом существует грозная опасность того, что ряд отраслей промышленности, почти исключительно существующих благодаря женскому труду, остановятся. Власти также отказываются от введения запрета аборт (каждый год в СССР совершается 7,5 млн абортов), говоря, что запрет абортов увеличит рождаемость всего на один-два года, а потом даже снизит ее. Но Кон Десфос справедливо считает, что это лишь оправдание политики абортов, как сохранения женского труда в промышленности¹⁴¹.

Стремительная индустриализация и урбанизация вызвали распад русской семьи, так что русское население СССР вышло на одно из первых мест в мире по числу разводов. Один из трех браков в СССР заканчивается менее, чем за три года. В 1950 г. было 0,4 разводов на 1000 населения, в 1960 — 1,3, а в 1970 — 2,6. Но большинство разводов даже не регистрируется. В Москве, например, 30% фактических разводов не было зарегистрировано. Холостяцкая жизнь в СССР становится все более привлекательной, и разведенные стороны стараются более не жениться. В 1970 г. один из четырех мужчин в возрасте 25-30 лет был неженат.

Уровень разводов в Москве в 2,5 раза выше среднего по стране, причем частота разводов возрастает с темпами урбанизации¹⁴².

Наконец, урбанизация резко сократила рождаемость и уменьшила размер семьи. Уже сам процесс миграции русских молодых людей отрицательно влияет на увеличение размера семьи, ибо рождение ребенка откладывается. В среднем величина естественного прироста мигрантов в 3-4 раза ниже, чем у оседлого населения¹⁴³. Интересно, что в мусульманской Башкирии только 15,5% башкирских семей соглашается уменьшить размер семьи при переезде в город по сравнению с 74,6% русских семей¹⁴⁴.

Урбанизация разрушила большую русскую крестьянскую семью. Еще в 1961 г. из 200 сельских семей Калининской обл. средний размер семьи был примерно 4,2 человека. В 1968 г. он составил в той же местности 3 человека¹⁴⁵. В 1978 г. годовой прирост населения РСФСР составил всего 1⁰‰, причем, главным образом, за счет нерусских автономных республик, как Коми, Карельской, Удмуртской, Марийской, Чувашской¹⁴⁶. Катастрофический характер демографического состояния именно русских виден, в частности, из следующих данных. В 1972 г. в РСФСР было 57,7⁰‰ однодетных, 33,4⁰‰ двухдетных и 6,3⁰‰ трехдетных семей¹⁴⁷.

В результате удельный вес русского населения в общем населении СССР стал падать, а удельный вес мусульманского населения стал возрастать.

В 2000 г., как полагает Александр Беннигсен, в СССР будет около 100 млн мусульман и менее 200 млн русских. При этом в Средней Азии будет 65 млн, в Поволжье — 20 млн, а на Кавказе — 15 млн мусульман¹⁴⁸.

Рост мусульманского населения по сравнению с убыванием русского населения объясняется прежде всего фактором религии, а не этническими характеристиками, ибо имеются этнические группы, в которых есть как ислам, так и христианство. Христианские группы не имеют в этих случаях таких же демографических характеристик как мусульмане. Не только индустриализация и урбанизация зашли в тупик. В тупике оказалась и политика интеграции.

История знает множество случаев, когда совершенное владение господствующим языком и даже усвоение господствующей культуры отнюдь не означает ассимиляции. Наиболее ярким примером тому являются евреи во всех странах рассеяния. Более того, самый радикальный национализм как вообще, так и ныне в СССР формируется прежде всего в кругах, усвоивших господствующий язык. Существуют гораздо более мощные барьеры, чем язык, разделяющие народы. Это исторические традиции, характер заключаемых браков, многочисленные этнические различия и т. п. Даже полное забвение родного языка не ведет к ассимиляции.

Неудача политики интеграции видна прежде всего из характера заключаемых браков и национальной идентификации детей от смешанных браков. На первый взгляд процент смешанных браков возрастает. Так в 1959 г. он составлял 0,2⁰‰ от всех семей, а в 1970 г. — 14⁰‰. Однако, происходит то, что академик Бромлей называет этнической консолидацией среди нескольких крупных этнических групп советского населения. При этом крупные этнические группы поглощают малые этнонимы. Так когда-то обращенные в православие чуваша дей-

ствительно легко ассимилируются русскими. 98% детей от смешанных браков между русскими и чувашами считают себя русскими¹⁴⁹. С русскими сливаются украинцы и белоруссы на территории РСФСР, а также мордва и отдельные группы карелов¹⁵⁰. Но при этом доля коренного населения во всех автономных республиках и округах РСФСР возрастает¹⁵¹. Неславянские и неправославные народы (в прошлом) обнаруживают весьма слабые наклонности к интеграции. Так в Прибалтике смешанные браки, по существу, оставляют соотношение национальностей неизменным, ибо дети от смешанных браков делятся примерно на 50% по своей национальной идентификации на отцовскую или материнскую сторону¹⁵². Но почти полностью иммунными против интеграции оказались мусульманские народы. Мусульмане строго соблюдают определенный образ жизни: большие семьи, ранние браки, строгую половую нравственность, запрет регулирования рождаемости. Они не меняют места своего жительства. Можно сказать, что они отрицают городскую цивилизацию в принципе. Для них городской образ жизни в любых вопросах, а, в особенности, в брачно-семейных отношениях никогда не был, как замечает Г. Бондарская, «эталон, к которому надо стремиться, как это имело и имеет место у населения, например, русской или украинской деревни»¹⁵³.

Согласно Александру Беннигсену в СССР имеется широко разветвленный скрытый ислам, который существенно влияет на мусульманский изоляционизм. Его никогда не удавалось инфильтрировать в отличие от всех других религиозных исповеданий в СССР. У нелегального ислама тысячи молитвенных домов¹⁵⁴.

Мусульмане отрицательно относятся к смешанным бракам. В городах — т.е. в наиболее ассимилированной части узбекского населения 20% опрошенных узбеков ответили, что будут возражать против смешанных браков родственников, если только в этих семьях не будут соблюдаться... узбекские национальные обычаи¹⁵⁵. Но даже если такие браки имеются то, как например, в Туркмении 90% детей от смешанных браков считают себя туркменами. При этом в смешанных браках с русскими почти всегда выступает мужчина-мусульманин ибо по Корану смешанный брак допустим только для мужчин¹⁵⁶.

Исключительно важной группой для выяснения процессов интеграции у мусульман оказываются казанские татары. Эта маргинальная но многочисленная мусульманская группа проживает в центральной России, и по ней можно судить о дальних тенденциях интеграции мусульманского населения в целом. Оказывается, что и татары не обнаруживают ярко выраженных процессов, которые могли бы пообщать их интеграцию в

обозримом будущем. Напротив, они сохраняют свои этнические характеристики и даже вытесняют русских как в деревне так и в городе¹⁵⁷. Численность татар с 1926 по 1969 г. в городах возросла в 6,1 раза, а русских в 3,6 раз. Удельный вес татар в городах возрос с 23,1 до 33,3%, а русских уменьшился с 73,1 до 60,9%. В целом удельный вес татар в республике вырос с 44,9% в 1926 г. до 49,1% в 1970 г., а удельный вес русских упал соответственно с 49,1 до 42,4%.

Удельный вес татар в селах вырос с 1926 г. по 1969 г. с 48 до 57%, а русских снизился с 40 до 32%.

Семья татар значительно устойчивее. Так 71% татар заявили, что удовлетворены семейной жизнью, а среди русских эта цифра составила всего 28%.

Итак, мы видим, что даже в Татарии, области маргинальной, находящейся в центре России, в сильном русском окружении, демографические процессы происходят в направлении усиления и консолидации татар и вытеснения ими русских. Что же можно сказать о Средней Азии!

То же показывают этнические процессы в Западной Сибири, где проживает некоторое количество мусульман в преобладающем немусульманском окружении. В 1970 г. здесь было 10,5 млн русских, составлявших 86,9% всего здешнего населения. Остальные национальности и народности представлены татарами — 268,6 тыс., казахами — 93,4 тыс., немцами — 395,2 тыс., украинцами — 346 тыс. и т. д. Установлено, что в этом районе украинцы активно интегрируются русскими. У украинцев в 1970-1973 гг. процент смешанных браков составил — 82,8%. У немцев эта цифра ниже и составила — 34,0%, зато у татар она была всего 14,5%, а у казахов всего 3,7%, причем в основном с татарами. При этом не все дети от смешанных браков между русскими и татарами объявляли себя русскими. В городах эта цифра составила — 80%, а в целом по району — 77,5%¹⁵⁸.

Л. Фишер предложил индекс эндогамии (т.е. внутринациональных браков) для советских народов, как показатель их этнического самосознания и получил следующие результаты¹⁵⁹:

киргизы	— 95,4%	грузины	— 80,2%
казахи	— 93,6%	таджики	— 77,3%
туркмены	— 90,7%	молдаване	— 63,0%
азербайджанцы	— 89,8%	белоруссы	— 39,0%
узбеки	— 86,2%	украинцы	— 34,0%

Это показывает слабую интеграцию у неславянских и нехристианских народов, причем надо учесть, что часть смешанных браков у мусульманских народов осуществляется не с русскими, а с другими мусульманскими народами.

Интеграция не была осуществлена и в политической сфере. Ни партия, ни армия не были интегрированы в национальном отношении. Так в 1979 г. в ЦК КПСС было 82% славян. В Политбюро было два неславянина из 16, а в секретариате ЦК — никого. Среди кандидатов в члены Политбюро было 3 на 6.

Среди генералов, упомянутых в советской печати с 1940 по 1976 г. — 60% русских, 20% украинцев, 4% белоруссов. Среди генералов — депутатов Верховного Совета СССР — 95% славян (80% русских и 15% украинцев). Среди генералов — членов ЦК КПСС в период 1952-1956 гг. — 97 славян из 101, причем 78 из них русские¹⁶⁰.

В результате явной неудачи интеграции уже в 1972 г. журнал *Коммунист* предупреждал, что «советский народ не является новым этническим образованием»¹⁶¹, а на 25 съезде партии в 1976 г. перестали говорить о слиянии наций, а только об их сближении.

IV. ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Неудачи в реализации внутривладеической программы *Раш Советика* вызвали серьезные противоречия в самой советской политической системе между радикальными и консервативными силами. С одной стороны надо было как-то остановить отрицательные экономические и социальные процессы, вызванные этой программой. С другой стороны партийная бюрократия стала чувствовать, что почва уходит из-под ее ног, вследствие роста ВПК, который она уже не была в состоянии контролировать. Среди партаппарата возникло опасение, что вся грандиозная программа преобразования советского общества в конечном счете обращается против его интересов. Именно поэтому партийная бюрократия решила предпринять какие-то меры, чтобы исправить положение в свою пользу, а вместе с тем избежать серьезного экономического кризиса. Было, по-видимому, решено резко сократить кастроительство.

Представители этих кругов стали говорить, что т.н. экстенсивные методы экономического роста, требующие нового кастроительства и привлечения новых трудовых ресурсов, себя исчерпали. Взамен предлагались т.н. интенсивные методы роста, осуществляемые за счет изыскания внутренних резервов на имеющихся уже производственных мощностях, а также за счет научно-технического прогресса¹⁶².

Одним из главных объектов критики со стороны партаппарата явилось кастроительство в Сибири и на Дальнем Востоке. Как заметил Алан Крончер, политическое руководство стало упрямо сопротивляться планам ускоренного развития Сибири¹⁶³.

Была начата шумная кампания, дабы коммунисты на всех уровнях, начиная с первичных парторганизаций и кончая парторганизациями министерств всячески контролировали свои учреждения, т.е. ограничивали самостоятельные действия технократии. Словесной формулой в таких случаях являлось приписывание ведущей роли «рабочему классу», т.е. партии, ибо согласно официальной идеологии партия есть авангард рабочего класса. Говорилось, что в «условиях НТР ведущая роль рабочего класса не только не уменьшается, как это пытаются утверждать буржуазные идеологи и разного рода ревизионисты, напротив, рабочий класс в еще большей мере выступает, как решающая сила созидания нового общества»¹⁶⁴.

По-видимому, на 24 съезде партии в 1971 г. произошло какое-то столкновение в этой области, поскольку утверждалось, что

этот съезд «разбил попытки принизить роль рабочего класса (т.е. партии — М.А.) в обществе»¹⁶⁵.

С другой стороны представители ВПК впервые открыто бросили вызов партийному руководству экономикой. Была впервые открыто сформулирована необходимость радикальных изменений советской общественной системы (разумеется не в сторону политической демократизации). Военный экономист Т. Бульба на страницах военного журнала *Коммунист вооруженных сил* заявил, что система управления экономикой, сложившаяся в тридцатых годах является уже лишь историческим пережитком. «Существующая у нас тогда система управления экономикой сложилась в основном в период, когда стала осуществляться ускоренная индустриализация страны», — утверждает Бульба¹⁶⁶. Тогда, по его словам, пришлось усилить *административные* начала, «строго регламентировать, детализовать все стороны хозяйственной деятельности предприятий: централизовать сбыт выпускаемой продукции... К середине 60-х гг. в экономической жизни страны произошли огромные качественные и количественные изменения... Стало очевидным, что при строгой регламентации деятельности предприятий, высокой степени детализации производственных заданий, спускаемых вышестоящими организациями уже невозможно без больших издержек и потерь учитывать из единого центра... всю гамму спроса на продукцию. Возникло противоречие между возросшими масштабами производства и сложившимися методами хозяйствования. Перед обществом стала задача — *расчистить путь, снять всякие преграды, мешающие полному простору действия экономических законов социализма, теснее увязать производство с потреблением*»¹⁶⁷.

Это заявление Бульбы содержит изрядную долю демагогии. То, чего желает технократия, это нечто обратное лозунгу «теснее увязать производство с потреблением», ибо старая система хозяйствования оставалась единственным в советских условиях способом защиты потребителя. Если технократии удастся «расчистить путь» и «удалить всякие преграды», то производитель полностью будет диктовать свои условия потребителю.

«Расчищение пути» — это вызов доминирующему положению партаппарата и дело не только в централизованном планировании. Дело вообще в политическом контроле над экономикой, о чем Бульба вслух не говорит. За его требованиями стоит прекращение вмешательства партаппарата в дела экономики, прекращение кадрового контроля над назначениями в промышленности и многое другое. Выполнение всех этих высказанных и невысказанных требований дало бы технократии огромную политическую независимость.

Представители технократии призывали также к широкому использованию принципа «демократического централизма», который, как утверждалось, является стержнем системы управления хозяйством, ее становым хребтом. Далее ставился под вопрос сам принцип территориального управления, а именно принцип контроля со стороны местных территориальных парт организаций. Поэтому появилась настойчивая тенденция выходить за рамки территориальных разграничений при развитии промышленных районов, дабы сделать контроль со стороны местных парт организаций практически невозможным¹⁶⁸.

Кристиан Дювель обратил внимание уже в 1974 г. на почти открытое столкновение между Брежневым и Косыгиным по вопросу экономической политики¹⁶⁹. 11 октября 1974 г. в речи в Кишиневе Брежнев заявил следующее: «Возьмем промышленность. Она развивалась у нас, главным образом, за счет строительства новых предприятий. Это позволило нам создать мощный экономический потенциал, превратить нашу страну в первоклассную индустриальную державу. Разумеется, мы и впредь будем строить новые предприятия там, где это необходимо. Однако, главное состоит теперь в том, чтобы научиться по-настоящему эффективно, полностью использовать мощности каждого действующего предприятия, научиться брать и числом, и умением»¹⁷⁰.

3 ноября, выступая во Фрунзе, Косыгин, совершивший заметную эволюцию с середины 60-х гг., сделал противоположный акцент, а именно на «более полном использовании и быстрейшем освоении *новых* производственных мощностей»¹⁷¹. Более того Косыгин прямо намекнул, что «недостатки капитального строительства — это «не только экономический, но и социальный и *политический* вопросы». Дювель заметил, что это был прямой намек на то, что именно вмешательство аппарата (политическое вмешательство!) было препятствием на пути выполнения плана.

В течение того же 1974 г. изменились и официальные лозунги. Если в первомайских призывах говорилось о «быстрейшем освоении *новых* капитальных вложений», то в ноябрьских лозунгах уже говорилось об их «лучшем использовании».

Атакам подверглось не только капитальное строительство. Сама НТР была взята под сомнение. Один из немногих промышленных администраторов, выступающих против НТР, бывший генеральный директор ленинградского станкостроительного объединения Г. Кулагин получил трибуну на страницах журнала *Наш современник*, тесно связанного с наиболее консервативными кругами партаппарата. Он обвинил технократию в том, что она разоряет страну. «Наука, — заявил Кулагин, — вправе жить и развиваться за счет общества. Техника *должна кормить* общество, а не кормиться сама за его счет»¹⁷².

«Корень зла, — продолжал Кулагин, — заключается в том, что в послевоенные годы мы постепенно утратили четкие границы между фундаментальной наукой, прикладными исследованиями и собственно техническими разработками... Техника, призванная давать сиюминутный эффект, будучи незаконно произведена в ранг науки, уходит из-под контроля экономики, обретает опасную независимость от производства и в результате часто работает на холостом ходу»¹⁷³.

В 1976 г. Брежнев похвалялся тем, что если капвложения на производственное строительство выросли за 5 лет на одну треть, капвложения на техническое перевооружение существующих предприятий выросли на 64%¹⁷⁴. Однако, эта похвала была несерьезной, ибо как далее будет показано, рост этот относится к крайне малым цифрам по сравнению с капитальным строительством.

Итак, партаппарату уже не удалось изменить положение вещей. Тот же Дювель отмечал в 1977 г., что в стране воцарилось определенное двоевластие между партией и государственными органами¹⁷⁵, хотя партия, как таковая уже не была единой в этом вопросе. В ее среде, как мы увидим, уже существовало сильное лобби ВПК.

Чтобы остановить дальнейший рост ВПК, партаппарат стал искать соглашения с США по ограничению стратегических вооружений, дававшего предлог для сокращения роста ВПК.

Как только были подписаны соглашения ОСВ-2 в Вене, в 1979 г., которые давали, наконец, желанный предлог для резкого сокращения капитального строительства, ряд органов печати (но отнюдь не все!) стали вновь призывать к прекращению экстенсивных методов роста и к переходу на интенсивные. Так, в передовице *Советской России*, которая явно отражает интересы консервативной, бюрократической части партаппарата, говорилось, что «на первый план выдвинулись задачи максимального использования уже созданного мощного производительного потенциала на основе преимущественно интенсивных методов роста»¹⁷⁶. Правда, позиция которой постоянно колебалась, пообещала пересмотреть инвестиционную политику. Один из ведущих советских экономистов академик Тигран Хачатуров заявил, что единственным путем дальнейшего промышленного роста будут интенсивные методы роста на существующих уже производственных мощностях. Но в его статье было и новое. Список новых строек, — сказал Хачатуров, — будет резко сокращен¹⁷⁷.

Первейшим объектом атаки оказалась, как и прежде, Западная Сибирь. *Советская Россия* опубликовала статью из Тюмени, где говорилось, что там на нефтепромыслах сложилась тревожная обстановка¹⁷⁸. Не попадала ли Западная Сибирь в спи-

сок сокращаемыхстроек, о которых говорил Хачатуров? Гораздо более важным симптомом наступления на ВПК оказалась новая тенденция Советской России игнорировать военнотехнические праздники. Если раньше эта газета не шла дальше того, чтобы на день авиации дать статью зам. министра гражданской авиации, вместо статьи одного из командующих советскими ВВС, а в день артиллерии и ракетных войск ограничиваться статьями представителей артиллерии сухопутных войск, а не стратегических ракетных войск, то начиная с лета 1979 г., сразу после Вены, Советская Россия впервые в истории советских центральных газет ограничилась в день военноморского флота (29 июля), в день авиации (19 августа) и в день танкиста (9 сентября) одними фотографиями без статей представителей соответствующих родов войск. Это был серьезный политический вызов ВПК.

Более того в день авиации эта газета опубликовала пространную передовицу, подписанную поэтом Робертом Рождественским, звучащую на редкость двусмысленно. Статья была построена так, что если в нее подставить слова «советский» вместо «западный» и т. п., то она точно отражала внутрисоветское положение. В статье также использовались чисто внутренние аргументы, никогда не используемые на Западе.

«Речь идет, — сказал Рождественский, — о руководителях и владельцах западного ВПК. ... Людей убеждают в том, что разработка новых вооружений является неотъемлемой частью прогресса» (В США такого аргумента быть не может. Он существует только в СССР за закрытыми дверями — М.А.). Не надо воевать, говорят некоторые зарубежные теоретики (?!), но разве нельзя вооружаться, не воюя? Что же теоретически «вооружаться, не воюя, наверное можно. А вот практически нет. Нет, такой «путь прогресса» не подходит для людей земли! Грань, по которой человечеству предлагают «балансировать», уже сейчас еле видна, а с годами она исчезнет начисто!»¹⁷⁹ Внутренний характер аргументации этой статьи не оставляет сомнения. «Путь прогресса» — это советская НТР в рамках ВПК.*

Однако, попытки ограничить ВПК встретили сильное сопротивление. 6 ноября Андрей Кириленко, который, по-видимому, является главным лоббистом ВПК в партии, в своей речи в Кремлевском дворце призывал к дальнейшему промышленному стратегическому росту и, особенно, к наращиванию мощностей топливно-энергетического комплекса в Западной Сибири. Он ни слова не сказал об интенсивных методах роста¹⁸⁰. Его речь показала, что чаша весов вновь качнулась в сторону ВПК.

* К тому же приему прибегает Георгий Арбатов в своей книге *Глобальная стратегия США в условиях НТР*, М., 1980. Критикуя американский ВПК, он доказывает, что всякий ВПК разрушает экономику.

Правда вновь изменила свою позицию и опубликовала передовицу, где повторялись основные положения речи Кириленко в области экономики¹⁸¹. Орган Министерства обороны *Красная звезда* пошла еще дальше. Она потребовала «динамичного подъема экономического потенциала», говорила о «новых крупных мерах, направленных на дальнейшее укрепление материально-технической базы коммунизма». Она делала упор на развитии добычи топлива, развитии атомной энергетики, гидроэнергетики, машиностроения. И здесь также не говорилось об интенсивном росте¹⁸².

С другой стороны консервативная *Советская Россия* утверждала, что «партией определен долгосрочный курс на повышение эффективности производства, использование *интенсивных*, качественных факторов экономического роста»¹⁸³. В явно критической статье о БАМе эта газета отмечала, что «реализация программы хозяйственного освоения БАМа потребует в 3-4 раза больше средств, чем строительство самой магистрали»¹⁸⁴. В этом можно заметить еще один выпад против экономической политики, требовавшей огромных средств на освоение безлюдных районов. Газета отмечала, что для реализации таких затрат нужен научный подход, а не стихийные меры, что, по существу, означало требование прекратить немедленное удовлетворение бюджетных запросов на индустриализацию. *Советская Россия* призывала также к строгому сочетанию отраслевых и территориальных производственных аспектов, т.е. фактически к учету требований местного партаппарата.

В статье из Якутии говорилось, что там имеет место распыление капвложений. «Миллиардные капвложения, — говорилось там уж слишком обобщающе, — как таковые сами по себе не могли автоматически превратиться в волшебную палочку». «Срыв за срывом. Масса неграмотных решений. Колоссальные издержки», — вот какова характеристика экономической деятельности, против которой выступает *Советская Россия*¹⁸⁵.

Тем временем в середине ноября маятник политической борьбы снова качнулся. Во-первых, было опубликовано важное постановление ЦК и СМ СССР, которое меняло тип строительства для сельских районов¹⁸⁶. Вместо ранее планировавшихся и строившихся уже пятиэтажных домов (в деревнях!) было решено начать выпуск панелей для индивидуальных деревянных домов. Это означало попытку закрепления трудовых ресурсов в селе. В подтверждение этого *Советская Россия* опубликовала вызывающую статью Ивана Васильева против политики урбанизации¹⁸⁷. Состоялось заседание планово-бюджетной комиссии Верховного Совета РСФСР, посвященное трудовым ресурсам. Комиссия решила, что до сих есть широкие резервы

трудовых ресурсов в самой промышленности. Говорилось также, что до сих в промышленности широко применяется ручной труд, и что в Сибири и на Дальнем Востоке нет жилищного строительства¹⁸⁸. Смысл этих заявлений и решений был в том, что нечего требовать дальнейшие трудовые ресурсы тем, кто не строя жилье в местах новой промышленности, зовет туда рабочих. *Советская Россия* опубликовала также заметку из Тюмени о том, что там из рук вон плохо поставлено жилищное строительство¹⁸⁹. Одновременно газета затеяла смотр механизации дабы показать, что в промышленности до сих пор широко используется ручной труд¹⁹⁰.

19 ноября является советским календарным праздником. Ныне он называется «День ракетных войск и артиллерии», сменив первоначальное название — «День артиллерии». По советским правилам такие праздники комментируются всей советской прессой. В самом деле *Правда* опубликовала интервью с командующим стратегическими ракетными войсками генералом армии Толубко. Статьи, подписанные его заместителями и другими военными, опубликовали все советские газеты.

Советская Россия не опубликовала ничего! Такой открытый вызов не мог бы раньше иметь место в СССР, поскольку он рассматривался бы как величайшее политическое преступление. Это был открытый вызов ВПК. 27 ноября открылся очередной пленум ЦК. В день его открытия *Правда*, очередной раз поменявшая свою позицию, публикует передовицу, где говорится что кроме повышения эффективности производства «нет иного пути прогресса экономики и роста народного благосостояния». «Речь идет, — говорилось далее, — о более активном переводе всего общественного производства на рельсы интенсивного развития, улучшения конечных результатов, ускорения темпов внедрения достижений НТР»¹⁹¹. Стало быть в этот момент снова взяла верх бюрократия, противившаяся ВПК. Брежнев в своей речи на пленуме настаивал на том, что единственным путем экономического роста является интенсивный рост. «Непрерывно наращиваются производственные фонды, вовлекаются новые и новые трудовые ресурсы. А вот конечный результат, — обвинял Брежнев, — мы получаем меньший, чем должны были бы... Отсюда диспропорции, дефициты, недостатки». Брежнев резко обрушился на каппостроительство. Ежегодно, — сказал Брежнев, — сюда идет более одной пятой национального дохода. Строим мы много. Вместе с тем положение дел в капитальном строительстве удовлетворить нас не может. Сроки строительства часто затягиваются. Незавершенное строительство значительно превысило нормативы... Здесь допускаются не только ошибки, местничество, но и слу-

чаи явного самоуправства. ЦК располагает некоторыми конкретными фактами и даст поручение их расследовать...»¹⁹²

Это есть не что иное как прямая угроза, хотя мы не знаем полного текста речи Брежнева.

О результатах пленума можно судить по партсовещаниям после съезда. Романов рапортовал, что в Ленинградской области на треть сокращено количество одновременно сооружаемых объектов и почти вдвое начинаемых вновь¹⁹³. Правда опубликовала редакционную статью, где говорилось, что «партия исходит из того, что обществу совсем не безразлично, какой ценой будут удовлетворены его потребности, какие ресурсы и время будут при этом затрачены. Есть привычка, «своего рода традиция», уделять больше внимания наращиванию объемов производства, нежели качеству продукции»¹⁹⁴.

Петр Федосеев заявил, что экстенсивный экономический рост исчерпал себя¹⁹⁵. Отныне, — пообещал он, — будет осуществляться только интенсивный рост. По Федосееву советская экономика находится в крайне тяжелом состоянии и все это из-за неверной политики капвложений. Он прямо напал на концепцию НТР, согласно которой научно-технический прогресс должен определяться его внутренней логикой. Он призвал также к эффективному контролю капстроительства со стороны местных властей (т.е. территориальных обкомов). Однако, многие толковали ноябрьский пленум иначе. Так, член ЦК Л. Бородин заявил, что «центр всех усилий согласно ноябрьскому пленуму — мобилизация трудящихся на выполнение заданий пятилетки»¹⁹⁶. Ни слова об интенсивном росте, ни слова о недостатках капстроительства.

Есть много оснований полагать, что последовавшее вскоре вторжение в Афганистан было сознательно спровоцировано ВПК, который противился соглашению ОСВ-2 и планам сокращения стратегического капстроительства и дальнейшего вооружения¹⁹⁷. В самом деле это вторжение вновь изменило соотношение сил и естественно усилило позиции ВПК. Как проявление этого усиления в ЦК было проведено разрекламированное совещание по капстроительству, проведенное Кириленко¹⁹⁸. Это совещание было как бы реваншем за ноябрьский пленум.

В конце января советские руководители начали очевидную серию обязательных предвыборных речей, рассмотрение которых дает возможность определить отношение того или иного руководителя к основным проблемам СССР. Больше всех критиковал существующую политику капстроительства Михаил Соломенцев, председатель Совета Министров РСФСР и кандидат в члены Политбюро¹⁹⁹. Призывали искать внутренние резервы для дальнейшего экономического роста также Черненко, Щербицкий, Русаков, Алиев, Капитонов²⁰⁰.

В то же время Кириленко и Суслов* делали ударение на «необходимости укрепить экономическую и оборонную мощь СССР», что в СССР является обычной формулой запроса новых бюджетов²⁰¹.

Одна из самых радикальных речей принадлежала первому секретарю ЦК Казахстана Динмухамеду Кунаеву. Он потребовал дальнейшего роста масштабов производства, реализации большой программы строительства, ввода новых крупных мощностей в каждой отрасли экономики²⁰².

Покойный Петр Машеров, первый секретарь ЦК Белоруссии потребовал, чтобы наука стала доминирующей силой на производстве, т.е. призвал к усилению позиции технократии²⁰³.

Анализ этих выступлений показывает, что ВПК и его партийное лобби взяли верх и отразили попытки подорвать их позиции. Интересно, что *Советская Россия* в первые дни после Афганистана вновь попыталась косвенно критиковать ВПК. «Опыт минувшего десятилетия, — говорилось в передовице газеты, — вновь подтверждает фальшь позиции тех *буржуазных* экономистов (!!), которые пытаются создать впечатление, будто гонка вооружений стимулирует развитие всей экономики и научно-технического прогресса»²⁰⁴. Это опять-таки аргумент, не применяемый на Западе.

Но это было одним из последних выступлений *Советской России* такого рода. Вскоре она перестала критиковать ВПК прямо или косвенно.

Итак, Брежневу и поддерживающей его части бюрократии не удалось сделать что-либо для выполнения своей широко-вещательной программы сокращения капстроительства и перехода на интенсивные методы роста. В 1980 г. планировалось освоить 119 млрд. рублей новых капвложений, в то время как капвложения на техническое перевооружение составляли всего 18,1 млрд. рублей...²⁰⁵

*) Устинов, как министр обороны несколько дней спустя после своего предвыборного выступления заявил в *Правде*, что «мы тратим на оборону ровно столько, сколько нужно для нашей безопасности, не меньше, но и не больше» (*Правда*, 22 февр., 1980).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате в роли партии, как управляющей силы, произошла существенная эрозия. Очень точное наблюдение сделала израильский советолог Илана Касс. По ее мнению, монистическая модель, рассматривающая партию, как источник всей власти в СССР, должна быть заменена новой структурной моделью, включающей в себя возникающий полицентризм. Даже внешняя политика, как утверждает Илана Касс, не является более монополией партии и ее лидеров²⁰⁶.

От тотального управления обществом партаппарат все более переключается на административную деятельность. Джерри Хоу полагает, что партия в настоящее время является посредником в улаживании различного рода конфликтов²⁰⁷. Ричард Косолапов, главный редактор журнала *Коммунист* как бы подтверждает это мнение, говоря: «На этапе развития социализма, огромное значение в направлении деятельности партии приобрела ее способность объединять интересы и усилия различных групп трудящихся, направляя их в одно творческое русло»²⁰⁸.

Касториадис же полагает, что партия является просто администратором, в то время как основной силой советского общества является армия²⁰⁹. Факты, однако, показывают, что такого лишь тенденция советского общества, но к такому положению оно еще не пришло.

Так или иначе, принципом руководства в советском обществе является уже не прежнее единодушие, диктуемое партией, а бюрократическое разграничение обязанностей в рамках единой организации, что позволяет в принципе сосуществование в советской системе различных враждующих групп. Именно это и называют в СССР сейчас «коллективным руководством». Его смысл — «каждый отвечает за свое»²¹⁰.

Итак, вместо гигантской монолитной системы, какой оно было раньше, советское общество превращается в совокупность массивных, пересекающихся структур, соревнующихся друг с другом в борьбе за власть и бюджеты.

Как это ни парадоксально, но вытеснение партийной бюрократии от реальной власти может повести к еще большей агрессивности СССР во внешней политике и возможно толкнет его в сторону глобальной войны.

Однако, есть важный фактор, который может существенно изменить положение внутри СССР. Это различного рода национальные течения, причем, главным образом, внутри самой системы. Одним из течений, которое может оказать наибольшее влияние на ход событий, это изоляционистский русский национализм, который является ответной реакцией на русский демографический кризис, сложившийся в результате политики, практиковавшейся в течение последних десятилетий²¹¹. У русских националистов есть много оснований полагать, что дальнейшая советская экспансия еще более ухудшит демографическое положение русских. Вместе с тем нельзя не признать, что существует и радикальный русский национализм, который отождествляет русские национальные интересы с экспансией. Этот русский национализм открыто культивируется идеологическим сектором партии, в особенности, через Комсомол и Главное политическое управление армии. Он противопоставляет себя русскому изоляционизму. Будущее покажет, как будут развиваться национальные течения внутри СССР.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Castoriadis C., *Devant la guerre*. Paris, Fayard, 1981. p. 97.
- 2) Castoriadis C., *op. cit.*, p. 47.
- 3) Odom W., "The Soviet Military and Foreign Policy", *Survival*, 1975, No. 6, p. 278.
- 4) Афанасьев В., *НТР, управление, образование*. М., 1972, стр. 284.
- 5) Гвишиани Д., *Организация и управление*. М., 1972, стр. 30.
- 6) Mumford L., *The Myth of the Machine*. London, 1967, pp. 255-256.
- 7) Агурский М., «Современные общественно-экономические системы и их перспективы», в сб. *Из-под глыб*, Париж, YMCA-Press, 1974, стр. 73.
- 8) Гвишиани Д., Микулинский С., «НТР», *Большая советская энциклопедия* т. 17, 1974, стр. 343.
- 9) Афанасьев В., *там же*, стр. 13.
- 10) Федосеев А., *Западня*. Франкфурт, Посев, 1976, стр. 249.
- 11) Odom W., *ibid.*, p. 277.
- 12) Личная информация, полученная при посещении Астрахани.
- 13) Федосеев А., *там же*, стр. 117.
- 14) Федосеев А., *там же*.
- 15) Spielman K., "Defense Industrialists in the USSR", *Problems of Communism*, 1976, No. 5, p. 58.
- 16) Горбачев Н., *Битва*. В: *Роман-газета*, 1978, №№ 10, 11.
- 17) *Там же*, № 10, стр. 7.
- 18) *Там же*, № 11, стр. 7.
- 19) *Там же*, стр. 53.
- 20) Агурский М., «Научно-исследовательский институт технологии машиностроения», The Soviet and East European Research Centre, The Hebrew University of Jerusalem, 1976.
- 21) Агурский М., «Экономическая эффективность автоматизации металло-режущих станков». М., 1968.
- 22) Scott W., "Soviet Military Doctrine and Strategy", *Strategic Review*, 1975, No. 3, p. 63.
- 23) Янов А., «Рабочая тема», *Новый мир*, 1971, № 3, стр. 256.
- 24) Колесников М., *Школа министров*. В: *Роман-газета*, 1978, № 6, стр. 19.
- 25) *Там же*, стр. 42.
- 26) Дербинов Ю., «Ленинские нормы партийной жизни», *Партийная жизнь*, 1979, № 19, стр. 25.
- 27) Ермаков В., «Ленин, КПСС, интеллигенция», *Партийная жизнь*, 1980, № 1.
- 28) Шафаревич И., *Социализм как явление мировой истории*. Париж, YMCA-Press, 1977.
- 29) Odom W., *ibid.*, p. 279.
- 30) Castoriadis C., *op. cit.*
- 31) Федосеев А., *там же*, стр. 126.

- 32) Гвишиани Д., Микулинский С., *там же*, стр. 342.
- 33) Castoriadis C., *op. cit.*, p. 282.
- 34) Galbraith J., *The New Industrial State*. Boston, Houghton Mifflin, 1966.
- 35) Агурский М., «Современные общественно-экономические . . .», *там же*.
- 36) Jahn E., "The Role of the Armament Complex in Soviet Society", *Journal of Peace Research*, 1975, No. 3, p. 192.
- 37) Загладин В., Фролов И., «Глобальные проблемы и будущее человечества», *Коммунист*, 1979, № 7, стр. 105.
- 38) Castoriadis C., *op. cit.*, p. 213.
- 39) Mitchell J., "A New Brezhnev Doctrine", *World Politics*, 1978, № 3.
- 40) Петров Е., «Социализм и мир неразделимы», *Коммунист*, 1979, № 12.
- 41) Суслов М., *Избранное*. М., 1972, стр. 651.
- 42) *Там же*, стр. 583.
- 43) Иноземцев Н., «Что ожидает капитализм через два десятилетия», *Проблемы мира и социализма*, 1979, № 10, стр. 49-53.
- 44) Жуков Ю., «Лицом к лицу», *Октябрь*, 1978, № 3.
- 45) Pipes R., "Why the SU Thinks it Could Fight and Win a Nuclear War", *Commentary*, 1977, № 7.
- 46) Hammond T., "Moscow and Communist Takeovers", *Problems of Communism*, 1976, № 1, p. 53.
- 47) См. в статье Гаврилов А., «С мыслью о коммунизме», *Знамя*, 1978, № 11, стр. 136.
- 48) Суслов М., «Марксизм-ленинизм и революционное обновление мира», *Коммунист*, 1977, № 14, стр. 23.
- 49) Баграмян И., «Мудрая книга», *Знамя*, 1979, № 7, стр. 140.
- 50) Петров Е., *там же*, стр. 111.
- 51) Косолапов Р., «Новь развитого социализма», *Знамя*, 1978, № 5, стр. 163-165.
- 52) Косыгин А., *Избранные статьи и речи*. М., 1974, стр. 337.
- 53) Ананьев А., *Годы без войны*. В: *Роман-газета*, 1980, № 1, стр. 20.
- 54) Косыгин А., *там же*, стр. 509.
- 55) Кириленко А., *Избранные статьи и речи*. М., 1976, стр. 335.
- 56) Исаев В., «СССР на стройке», *Правда*, 1980, 2 января.
- 57) Косыгин А., «Важный этап совершенствования планового управления экономикой», *Коммунист*, 1979, № 12, стр. 22.
- 58) См. в статье Гаврилов А., *там же*, стр. 135.
- 59) Суслов М., *там же*, стр. 574.
- 60) Пономарев Б., «Реальный социализм и его международное значение». *Коммунист*, 1979, № 2, стр. 20.
- 61) Петров Е., *там же*, стр. 113.
- 62) Кожанов Н., «Созидательная мощь освобожденного труда», *Коммунист*, 1978, № 8, стр. 119.
- 63) Stökl G., "Creation of a Homogeneous Soviet Nation", *Problems of Soviet Internal Policy*, München, 1960, p. 110.
- 64) См. Агурский М., *Идеология национал-большевизма*. Париж, YMCA-Press, 1980.
- 65) Maksudov M., "Pertes subir par la population de l'URSS", *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1977, № 3.
- 66) Шамота Н., «Запас надежности», *Знамя*, 1979, № 7, стр. 231.
- 67) Габдиров И., *О национальном и интернациональном в советской литературе*. Алма-Ата, 1978. См. рецензию в *Казахстанской правде*, 1979, 23 июня.

- 68) Суслов М., «Дело всей партии», *Коммунист*, 1979, № 15.
- 69) Шамота Н., «У истоков вечной тьмы», *Знамя*, 1979, № 2, стр. 241.
- 70) Кедрина З., «На путях к истине», *Знамя*, 1979, № 7, стр. 256.
- 71) Mitchell J., *op. cit.*, p. 377.
- 72) Косолапов Р., *Социализм*. М., 1975, стр. 78.
- 73) Семенов П., «Нация и национальная государственность в СССР», *Вопросы истории*, 1966, № 7, стр. 81.
- 74) См. о предложении Кислицына в книге Куличенко М., *Национальные отношения в СССР*. М., 1972, стр. 328.
- 75) *Там же*, стр. 25, 26, 80.
- 76) Брежнев Л., «Ответы на вопросы газеты *Ле Монд*», *Коммунист*, 1979, № 9.
- 77) Брежнев Л., *Правда*, 1980, 24 февраля.
- 78) Суслов М., «Дело всей партии», *Коммунист*, 1979, № 15.
- 79) Kreindler I., "The Changing Status of Russian in the SU". Research Paper № 37, The Soviet and East European Research Centre, The Hebrew University of Jerusalem, 1980.
- 80) «Совершенствовать военно-патриотическое воспитание», *Коммунист*, 1978, № 18.
- 81) Рашидов Ш., «По законам дружбы и братерства», *Октябрь*, 1980, № 2.
- 82) «Молодая смена Нечерноземья», *Правда*, 1980, 4 апреля.
- 83) Сануков К., «Рациональное размещение производительных сил», *Вопросы истории КПСС*, 1978, № 6, стр. 87.
- 84) Spechler M., "Regional Trends in the USSR", Research Paper № 33, The Soviet and East European Research Centre, The Hebrew University of Jerusalem, 1979.
- 85) Бромлей Ю., «Этнические аспекты современных национальных процессов», *История СССР*, 1977, № 3, стр. 26.
- 86) Суслов М., *Избранное*. М., 1972, стр. 615.
- 87) *Там же*, стр. 636.
- 88) Косолапов Р., *Социализм*. М., 1975, стр. 432.
- 89) См. в статье Беленький В., «Бесперспективное село», *Журналист*, 1975, № 3.
- 90) Косолапов Р., *там же*, стр. 435.
- 91) Косолапов Р., *там же*, стр. 441.
- 92) Симуш П., «Социальные преобразования на селе», *Коммунист*, 1976, № 16, стр. 62.
- 93) Косолапов Р., *там же*, стр. 440.
- 94) Косолапов Р., *там же*, стр. 435.
- 95) Ананьев А., «Вглубь по ступенькам строк», *Литературная газета*, 1979, 26 сентября.
- 96) Ананьев А., «Человек на земле», *Правда*, 1979, 14 июня.
- 97) Кожевников В., *Повести*. В: *Роман-газета*, 1979, стр. 11.
- 98) Куличенко М., *там же*, стр. 25.
- 99) Шпилюк В., *Межреспубликанская миграция и сближение наций в СССР*. Львов, 1975, стр. 160.
- 100) *Правда*, 1974, 4 апреля.
- 101) *Правда*, 1976, 2 июня.
- 102) Стерн В., «Пути развития сельских поселков нечерноземной полосы», *Вопросы экономики*, 1974, № 10.

- 103) Соломенцев М., «Горизонты Нечерноземья», *Правда*, 1974, 26 июня.
- 104) Стерн В., *там же*.
- 105) Машеров П., «Решение социальных вопросов на селе», *Советская Белоруссия*, 1979, 18 января.
- 106) Косыгин А., *Избранные статьи и речи*. М., 1974, стр. 267.
- 107) Староверов В., *Социально-демографические проблемы деревни*. М., 1975, стр. 259.
- 108) Ананьев А., *Годы без войны*. В: *Роман-газета*, 1980, № 2, стр. 87-88.
- 109) Староверов В., *там же*, стр. 157-158.
- 110) Ситников В., «Ходят парни неженатые», *Знамя*, 1978, № 6, стр. 142.
- 111) Васильев И., «Земля наших отцов», *Наш современник*, 1979, № 6, стр. 130.
- 112) Беленький В., «Бесперспективное село», *Журналист*, 1975, № 3, стр. 12; см. также Kerblay B., "Les problèmes de la socialisation dans le milieu rural soviétique", *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1980, № 3-4, p. 267.
- 113) Староверов В., *там же*, стр. 120, 247.
- 114) Из выступления Михальского В., см. «В Российском Нечерноземье», *Октябрь*, 1978, № 9.
- 115) Демичев П., «Актуальные задачи культурного строительства на селе», *Коммунист*, 1979, № 5, стр. 40.
- 116) Староверов В., *там же*, стр. 174.
- 117) Староверов В., *там же*, стр. 247.
- 118) Федосеев П., «Теоретические проблемы социально-экономического развития советского общества современной эпохи», *Вопросы философии*, 1980, № 2, стр. 3-6.
- 119) Hardt J., "West Siberia: the Quest for Energy", *Problems of Communism*, 1973, № 5-6, p. 27.
- 120) Kroncher A., "Who is to Blame", *Radio Liberty Research Bulletin*, 1978, May 21.
- 121) Hardt J., *ibid*, p. 26.
- 122) Комаров Б., «Уничтожение природы», *Посев*, 1978. См. также Agursky M., "New Russian Literature", *Research Paper* № 40, The Soviet and East European Research Centre, The Hebrew University of Jerusalem, 1980, pp. 34-36.
- 123) Васильев И., «Беспечность или консерватизм», *Советская Россия*, 1980, 15 мая.
- 124) Абрамов Ф., Чистяков А., «Пашня живая и мертвая», *Москва*, 1978, № 8.
- 125) Ситников В., «Трудные версты», *Наш современник*, 1979, № 10, а также Белов В., «Пути-дороги», *Правда*, 1979, 30 января.
- 126) Абрамов Ф., Чистяков А., *там же*; а также Абрамов Ф., «Чем живем-кормимся», *Правда*, 1979, 17 ноября.
- 127) Сальников А., «Вложения и отдача», *Правда*, 1979, 24 июля.
- 128) Пальман В., «Усадьба», *Знамя*, 1979, № 7, стр. 180-188.
- 129) Васильев И., «Четвертая ступень», *Наш современник*, 1979, № 10, стр. 4-5.
- 130) Переведенцев В., *Методы изучения миграции населения*. М., 1975, стр. 128.
- 131) Бекетов В., Латифи О., «Тактика и стратегия комплекса», *Правда*, 1976, 14, 15 ноября.
- 132) Маневич Е., «Воспроизводство населения и использование трудовых ресурсов», *Вопросы экономики*, 1978, № 8.
- 133) Carrère D'Encausse H., *L'empire éclaté*, Paris, Flammarion, 1979, p. 85. Русское издание: *Расколотая империя*. Лондон, Overseas Publications Interchange, 1982, стр. 104.

- 134) Арутюнян Ю., Дробижеева Л., «Советский образ жизни», *Советская этнография*, 1976, № 3.
- 135) *Социальное и национальное*. М., 1973.
- 136) Rywkin M., "The Political Implication of Demographic and Industrial Development in Soviet Central Asia", *Nationalities Papers*, 1979, № 1, p. 31.
- 137) Azrael J., "Emergent Nationality Problems in the USSR", R-2172-AF, Rand, September 1977, p. 14.
- 138) Rywkin M., *op. cit.*, p. 39.
- 139) См. в статье Янов А., «Рабочая тема», *Новый мир*, 1971, № 3, стр. 241.
- 140) Брежнев Л., Речь на пленуме ЦК, *Коммунист*, 1976, № 16, стр. 16.
- 141) Cohn H., Desfosses, "Population Policy in the USSR", *Problems of Communism*, 1973, № 4, pp. 41, 53.
- 142) *Ibid.*, p. 53.
- 143) Староверов В., *там же*, стр. 170.
- 144) Cohn H., Desfosses, *op. cit.*, p. 41.
- 145) Староверов В., *там же*, стр. 170.
- 146) Из выступления В. Михальского, см. «В российском Нечерноземье», *Октябрь*, 1978, № 9.
- 147) Маневич Е., *там же*.
- 148) Bennigsen A., "Islam in the Soviet Union", Research Report, Institute of Jewish Affairs, May 1979.
- 149) Бромлей Ю., *там же*.
- 150) Гурвич И., «Этнокультурное сближение народов СССР», *Советская этнография*, 1977, № 5.
- 151) Эккель Б., «Определение мозаичности национального состава», *Советская этнография*, 1976, № 2.
- 152) Бромлей Ю., *там же*.
- 153) Бондарская Г., *Рождаемость в СССР*. М., 1977, стр. 62.
- 154) Bennigsen A., *op. cit.*
- 155) Дробижеева Л., «Сближение культур и межнациональные отношения в СССР», *Советская этнография*, 1977, № 6.
- 156) Бромлей Ю., *там же*, стр. 41.
- 157) *Социальное и национальное*. М., 1973.
- 158) Томилов Н., «Современные этнические процессы в Южной и Средней полосе Зап. Сибири», *Советская этнография*, 1978, № 4.
- 159) Fisher L., "Ethnic Consciousness and Inter-marriage", *Soviet Studies*, 1977, July.
- 160) Carrère D'Encausse H., *op. cit.*
- 161) «Могучий оплот ленинской дружбы народов», *Коммунист*, 1972, № 4, стр. 12.
- 162) Афанасьев В., *там же*, стр. 126.
- 163) Kroncher A., *op. cit.*
- 164) Суслов М., *Избранное*. М., 1972, стр. 637.
- 165) Суслов М., *там же*, стр. 652.
- 166) Бульба Т., «Коренной вопрос экономической политики СССР», *Коммунист вооруженных сил СССР*, 1973, № 10, стр. 15.
- 167) *Там же*, стр. 13.
- 168) См. например, Мильнер Б., «Грани управления», *Знамя*, 1979, № 10, стр. 198.
- 169) Duevel C., "Kosygin at Odds with Brezhnev on Economic Policy". *Radio Liberty Research Bulletin*, 1974, 6 November.

- 170) Брежнев Л., «50 лет Сов. Молдавии», *Правда*, 1974, 12 октября.
- 171) Косыгин А., «Под ленинским знаменем дружбы народов», *Правда*, 1974, 3 ноября.
- 172) Кулагин Г., «Наука, техника, производство», *Наш современник*, 1976, № 9, стр. 169.
- 173) Там же, стр. 158.
- 174) Брежнев Л., Из речи на пленуме ЦК, *Коммунист*, 1976, № 16, стр. 12.
- 175) Duevel C., "The Soviet Leadership in 1977". *Radio Liberty Research Bulletin*, 1977, 13 December.
- 176) «Ключевое звено», *Советская Россия*, 1979, 31 июля.
- 177) Хачатуров Т., «Капвложения: курс на эффективность», *Правда*, 1979, 29 августа.
- 178) Буров Ю., «Тюменские обрывы», *Советская Россия*, 1979, 14 сентября.
- 179) Рождественский Р., «Мир учится разрядке», *Советская Россия*, 1979, 19 августа.
- 180) *Правда*, 1979, 7 ноября.
- 181) «Фундамент народного хозяйства», *Правда*, 1979, 12 ноября.
- 182) «Курсом великого Октября», *Красная звезда*, 1979, 11 ноября.
- 183) «Инициатива коммуниста», *Советская Россия*, 1979, 13 ноября.
- 184) «БАМ на этапе освоения», *Советская Россия*, 1979, 14 ноября.
- 185) Добробаба П., «Личная вина», *Советская Россия*, 1979, 23 ноября.
- 186) «В ЦК и СМ СССР», *Правда*, 1979, 17 ноября.
- 187) Васильев И., «Люди села Нечерноземного», *Советская Россия*, 1979, 17 ноября.
- 188) «За каждой стройкой», *Советская Россия*, 1979, 22 ноября.
- 189) Буров Ю., «Новоселы без новоселья», *Советская Россия*, 1979, 20 ноября.
- 190) «Всероссийский смотр механизации», *Советская Россия*, 1979, 23 ноября.
- 191) «Залог наших успехов», *Правда*, 1979, 27 ноября.
- 192) *Правда*, 1979, 28 ноября.
- 193) Герасимов В., Сенин В., «Искать новые ресурсы», *Правда*, 1979, 8 декабря.
- 194) «Наука коммунистического созидания в действии», *Правда*, 1979, 14 декабря.
- 195) Федосеев П., там же
- 196) *Социалистическая индустрия*, 1979, 4 декабря.
- 197) Агурский М., «Клокочущий вулкан», *Русская мысль*, 1979, 18 сентября — 9 октября.
- 198) «Совещание по вопросам капитального строительства», *Правда*, 1980, 19 января.
- 199) *Правда*, 1980, 2 февраля.
- 200) См. соответственно: *Правда*, 16, 15, 9 февраля; 30, 29, 31 января.
- 201) См. соответственно: *Правда*, 1980, 14, 19, 20, 21 февраля.
- 202) *Правда*, 1980, 17 февраля.
- 203) *Правда*, 1980, 8 февраля.
- 204) Максимов Ю., «Недальновидная политика», *Советская Россия*, 1980, 11 января.
- 205) Исаев В., «СССР на стройке», *Правда*, 1980, 2 января.
- 206) Kass I., *Soviet Involvement in the Middle East*. Westview Press, 1978, p. 232.
- 207) Hough J., "The Soviet System", *Problems of Communism*, 1972, № 2, p. 32.
- 208) Косолапов Р., «Партия Ленина — партия научного коммунизма», *Партийная жизнь*, 1980, № 8.
- 209) Castoriadis C., *op. cit.*, p. 260.
- 210) Бондар В., «Демократический централизм», *Партийная жизнь*, 1980, № 7.
- 211) Agursky M., "The New Russian Literature". Research Paper № 40, The Soviet and East European Research Centre, The Hebrew University of Jerusalem, 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. Борис Филиппов	5
I. ГОЛЕМ	9
§1. РАЗРУШИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ	10
1. Фетишизм производительных сил	10
2. Отсутствие экономического регулятора	12
§2. ТЕХНОКРАТИЯ — ОРУЖИЕ МИЛИТАРИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ	16
§3. РАДИКАЛИЗМ ПРОТИВ КОНСЕРВАТИЗМА	24
§4. ЭКСПАНСИОНИЗМ И ИЗОЛЯЦИОНИЗМ	26
II. PAX SOVIETICA	29
§1. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ	31
§2. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ	33
§3. ИНТЕГРАЦИЯ	36
§4. УРБАНИЗАЦИЯ	39
III. ПОБЕДА И ТУПИК	47
IV. ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
ЛИТЕРАТУРА	67
	73

